

ГЛАЗАМИ СЛОВАЦКОГО ДРУГА

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА

Публикация и перевод П. Г. Богатырева

Помещаемые ниже дневниковые и мемуарные записи о Толстом Альберта Шкарвана (1869—1926), словацкого писателя и врача, ни на русском, ни (за единичными исключениями) на других языках в печати не появлялись и публикуются впервые.

С именем Шкарвана связан эпизод, получивший в свое время громкую известность не только на родине писателя — в тогдашней Австро-Венгрии, — но и далеко за ее пределами. В 1895 г., отбывая военным врачом воинскую повинность, Шкарван за семь недель до окончания службы отказался продолжать ее. По признанию Шкарвана, он поступил так под влиянием учения Толстого.

После отказа от службы начальство отправило Шкарвана на экспертизу в психиатрическую больницу. Признанный вменяемым, он был судим военным судом, который приговорил его к четырехмесячному одиночному тюремному заключению, к отбыванию затем рядовым недослуженного срока службы и к лишению врачебного диплома. Последнее было сделано с согласия Инсбрукского университета, где Шкарван получил диплом. По выходе из тюрьмы Шкарван был вторично помещен в больницу для душевнобольных, и ему предстояло вернуться в армию. Но в результате вмешательства прогрессивной европейской прессы власти оказались вынужденными предоставить ему годичный отпуск по болезни. Воспользовавшись им, Шкарван уехал в Россию, где, в частности, он предполагал дописать свои записки об отказе от военной службы, начатые в тюрьме.

Он поселился вначале у В. Г. Черткова, в присутствии которого произошла его первая встреча с Толстым. Затем жил у Толстого в Ясной Поляне и некоторое время провел в Москве, где также посещал Толстого и жил у него в его хамовническом доме.

Попав в Россию, Шкарван уже неплохо знал русский язык. Позднее он записал в дневнике: «Я легко и быстро вжился в русский язык и основательно усвоил дух русской литературы, потому что мир, который предо мною здесь открылся, был для меня родственным и интересным, давал моему голодному духу пищу, давал мне то, чего в западном мире я не находил. Тургенев, Гоголь, Пушкин, Достоевский, а превыше всех других Толстой, будили во мне совесть, открывали предо мной новые горизонты, открывали мне самого себя!» (Дневник 1915—1921 гг., лл. 72—73. — Подлинник на словацком языке.)

Знание русского языка позволило Шкарвану быстро включиться в жизнь той среды, в которой он оказался, и разобраться в окружающей обстановке.

Будучи в России, почти все записи своих впечатлений и наблюдений Шкарван вел на русском языке. Но и позднее, находясь за ее пределами, при работе над воспоминаниями о Толстом он часто наряду со словацким, немецким и венгерским языками, пользовался и русским.

Шкарвану не пришлось провести в России весь срок своего отпуска. Он приехал в июле 1896 г., а уже в ноябре того же года царское правительство предложило ему покинуть страну. Тогда же пришел и вызов из Австрии с требованием немедленно вернуться и отбыть в армии недослуженный срок. Но Шкарван не собирался снова стать военным, а это означало для него по возвращении на родину снова оказаться в тюрьме

Шкарван принимает решение эмигрировать и избирает местом пребывания Англию. Он направляется туда из Петербурга 13 февраля 1897 г. вместе с высланным из России В. Г. Чертковым. Их, а также П. И. Бирюкова, высланного одновременно с Чертковым и уезжавшего тогда же к месту своей ссылки в Курляндскую губернию, провожал специально приехавший из Ясной Поляны Толстой.

В Англии Шкарван закончил свои «Записки», вышедшие в свет под названием: «*Mon refus. Par A. Skarvan. Мой отказ от военной службы. Записки военного врача*», (№ 13. Изд. Владимира Черткова. Purleigh, Essex, England, 1898). Книга написана по-русски. По свидетельству автора, перед печатью она была отредактирована русскими друзьями.

Толстой впервые познакомился с «Записками» еще в начале работы над ними Шкарвана, по присланной ему рукописи.

16 декабря 1895 г. он писал ему: «Ваши записки в высшей степени интересны и важны. Я с умилением и большой духовной радостью читал их. Такое же впечатление они производят и на других» (т. 68, стр. 277).

Положительную оценку «Запискам» Толстой давал и впоследствии, когда работа Шкарвана, за которой он пристально следил, была продолжена, а затем и завершена. (См. в письмах к Д. П. Маковицкому от 22 февраля 1896 г., т. 69, стр. 45—46 и к В. Г. Черткову от 12 июня 1897 г., т. 88, стр. 35.) А в своем дневнике он отмечает: «Чудесные записки Шкарвана» (т. 53, стр. 96.—Запись от 28 мая 1896 г.). Французский литературовед Дени Рош, посетивший Ясную Поляну в 1899 г., рассказывает, что в его присутствии Толстой попросил прочесть ему вслух «сильно занимавшую его книжку» — речь шла о «Записках» Шкарвана (см. стр. 31 настоящ. книги).

Глава из «Записок», носившая название «Почему нельзя служить военным врачом», и помещенное там же «Письмо Шкарвана к старшему врачу» были включены Толстым в «Круг чтения на каждый месяц». Однако по цензурным условиям русское издание этой книги не состоялось (см. т. 42, стр. 405—407, 567). Материалы из «Записок» были впервые напечатаны в немецком издании «На каждый день», вышедшем в свет в переводе Шкарвана («Für alle Tage. Ein Lebensbuch von Leo Tolstoi. Herausgegeben von Dr. E. H. Schmitt und Dr. A. Skarvan. Dresden, 1906»). Но в первое издание «Круга чтения» на чешском языке австрийская цензура их не пропустила. Они попали лишь во второе издание книги, после снятия запрета, для чего потребовалась интерпретация чешских депутатов парламента (L. N. Tolstoj. Kruh četby. Po konfiskaci druhé vydání. Přeložili G. Foustková, Ivan Hálek, Albert Škarvan, Karel Velemínský. Praha, 1906).

Перенесенная тяжелая болезнь, а также некоторые разногласия с Чертковым принципиального и житейского характера побудили Шкарвана в 1898 г. покинуть Англию. Вынужденный по состоянию здоровья искать благоприятных климатических условий, он переселился в Швейцарию.

Когда с начала 1899 г. Чертков стал получать от Толстого тексты «Воскресения», он тут же предоставил Шкарвану возможность переводить роман на словацкий язык. Перевод был сделан Шкарваном по материалам, присланным Чертковым, и является одним из первых переводов «Воскресения» на иностранный язык. Вместе с тем это и одно из наиболее ранних иностранных изданий романа, в котором он напечатан полностью, без купюр (L. N. Tolstoj. Vzkriesenie. Preložil Albert Škarvan. Poučnej bibliotéky číslo 2. V Žiline. Vydáva Dušan Makovický, 1899).

Несмотря на отдельные погрешности, перевод Шкарвана выполнен неплохо (см. N. A. Kondrašov. O prvom slovenskom preklade románu Vzkriesenie. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku, 1960, стр. 215—231).

Шкарван утверждал, что словацкая печать намеренно замолчала появление перевода «Воскресения», и в Словакии не оценили должным образом этого произведения, вызывавшего «удивление и преклонение всего мира» (Katarína Mičátková. Literárna činnosť Tolstého stúpenca Dr. Alberta Škarvana. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku, 1960, стр. 198).

В позднейшем дневнике Шкарвана в записи от 2 февраля 1926 г. читаем: «Печать, которая, по общепринятому мнению, должна прежде всего содействовать распро-

странению нужных и полезных людям идей, в нашу эпоху служит в руках государства и сильных мира сего противоположной тенденции: удушению и замалчиванию добрых и полезных идей. Душанко <Д. П. Маковицкий> в свое время издал на свои собственные средства (ни один из словацких издателей ни на каких условиях этого делать не хотел) мой перевод романа Толстого „Воскресение“ с прекрасными иллюстрациями Пастернака. Книга как с художественной, так и с философско-моральной стороны вызывает удивление и преклонение всего мира, хотя и не вполне оценена, как она того заслуживает; на словацком же книжном рынке является событием исключительным и не имеющим себе равного. Но как приняла словацкая пресса эту книгу? Да так, что ни одной строчкой о ней не упомянула. Так ее замолчала, что Душанко почти весь тираж должен был раздать даром, кому попало, *nazdárbiť*, как говорят чехи». (Подлинник на словацком языке.)

Однако «Воскресение» в переводе Шкарвана все же дошло до читателей и сыграло свою положительную роль в литературной и общественной жизни Словакии (ср. А. М р á з. *Tolstého román „Vzkriesenie“ a jeho osudy na Slovensku*. Послесловие к новому переводу «Воскресения». L. N. T o l s t o j. *Spisy v 12 sväzkoch*. Sväzok 8. 1953, стр. 547—568).

Помимо «Воскресения» Шкарван перевел и ряд других произведений Толстого. Еще 18 ноября 1895 г. Толстой писал ему: «Возьметесь ли вы переводить мои непереверженные вещи по-немецки? Если да, то напишите об этом Черткову <...>; он вышлет вам те рукописи, которые он переводит на английский язык» (т. 68, стр. 266). Но если Толстой предлагал Шкарвану быть его переводчиком на немецкий язык, то сам Шкарван, по собственной инициативе, переводил произведения Толстого не только на немецкий, но и на словацкий, чешский, венгерский, эсперанто и другие языки (К. М і ě á t k o v á. *Literárna činnosť Tolstého stúpenca*, стр. 194)*. Наибольшего внимания заслуживают, разумеется, переводы, сделанные Шкарваном на родной словацкий язык**. Шкарван несомненно перевел бы на словацкий язык значительно большее число произведений Толстого, но он не встретил достаточной поддержки со стороны издателей. С особенно большими трудностями было сопряжено печатание переводов публицистики Толстого.

24 сентября 1910 г., незадолго до ухода Толстого из Ясной Поляны, В. Ф. Булгаков записал в дневнике: «С почтой получились книги: в немецком переводе Шкарвана отдельными брошюрами работы Льва Николаевича „О науке“, „О праве“ и „Письмо к индусу“ <...> Я заметил, что письмо „О праве“ появляется в печати впервые, так как в свое время его не согласилась напечатать ни одна иностранная газета не говоря уже о русских, до такой степени выраженные в нем взгляды расходятся с общепринятыми».

Лев Николаевич усмехнулся. Потом добавил о Шкарване: „Переводит, значит еще есть читатели“» (Валентин Бу л г а к о в. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л. Н. Толстого. М., 1960, стр. 348—349).

Булгаков справедливо указал Толстому на заслугу Шкарвана, добившегося напечатания письма «О праве». Чтобы получить согласие на опубликование некоторых работ Толстого, ему приходилось тратить много усилий, и далеко не всегда они увенчивались успехом. «Вашу статью „Патриотизм или мир“, — писал он Толстому 21 апреля 1896 г., — я перевел и послал некоторым издателям в Германию и Швейцарию, но никто ее издать на немецком языке не хочет, то же и с журналами „Neue Freie Presse“ — wegen einiger darin enthaltenen höchst bedenklichen Stellen»*** (АТ).

Перевод статьи Толстого «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии», по словам Шкарвана, был напечатан словацкой газетой «Slovenský Denník», выходившей в Америке, «с сокращением на целую четверть». Чешская газета «Národní Listy»

* Эти переводы библиографически не учтены.

** Отец Шкарвана был чех, а мать словачка. Но и у себя на родине и за границей он всегда выступал как словацкий писатель.

*** из-за имеющихся там весьма сомнительных мест (нем.).

выпустила из нее самые важные места, газета «Cas» и журнал «Slovenský Týždenník» не приняли ее к печати.

Но Шкарван был не только переводчиком Толстого, он активно выступал и как пропагандист его сочинений и взглядов. Так, в 1897 г. он принял участие в дискуссии голландских рабочих и интеллигенции, посвященной философским и социальным воззрениям Толстого, и в организации голландского журнала «Vrede», близкого по направлению к толстовству.

В 1909 г. Шкарван перевел на немецкий язык доклад Толстого, предназначавшийся для XVIII международного конгресса мира в Стокгольме. Доклад в этом переводе должен был быть прочитан в Берлине, а когда берлинская полиция не допустила чтения, Шкарван разослал свой перевод по многочисленным редакциям иностранных периодических изданий. В итоге доклад был напечатан немецкой газетой «Der Sozialist» (1909, № 20, I. XII) и вышел затем в некоторых других изданиях. Несколько ранее по инициативе Шкарвана (но не в его переводе) состоялось публичное чтение доклада на швейцарском конгрессе мира, происходившем в Биле 20—21 ноября 1909 г.

Пример стокгольмского доклада позволяет судить о масштабах и методах работы Шкарвана по распространению толстовских сочинений. 12 декабря 1909 г. он писал Толстому: «...хочу сообщить вам кое-что из последнего времени о вашем „докладе“. Он был разослан в Швейцарии в 8000 экз(емплярах). Между ними 100 в разные редакции, всему государственному высшему штабу, даже прокурорам. В Германии был он разослан более 200 редакциям и по крайней мере еще в 10 000 экз(емплярах) на отдельные адреса» (АТ). В письме от 30 декабря того же года Шкарван намечает каналы, по которым предполагает продвигать в дальнейшем статьи Толстого: «Их конечно, — пишет он, — следовало бы распространять опять таким же свободным путем, т. е. через рабочую печать, а не через бесплодные „Times“» (А1)

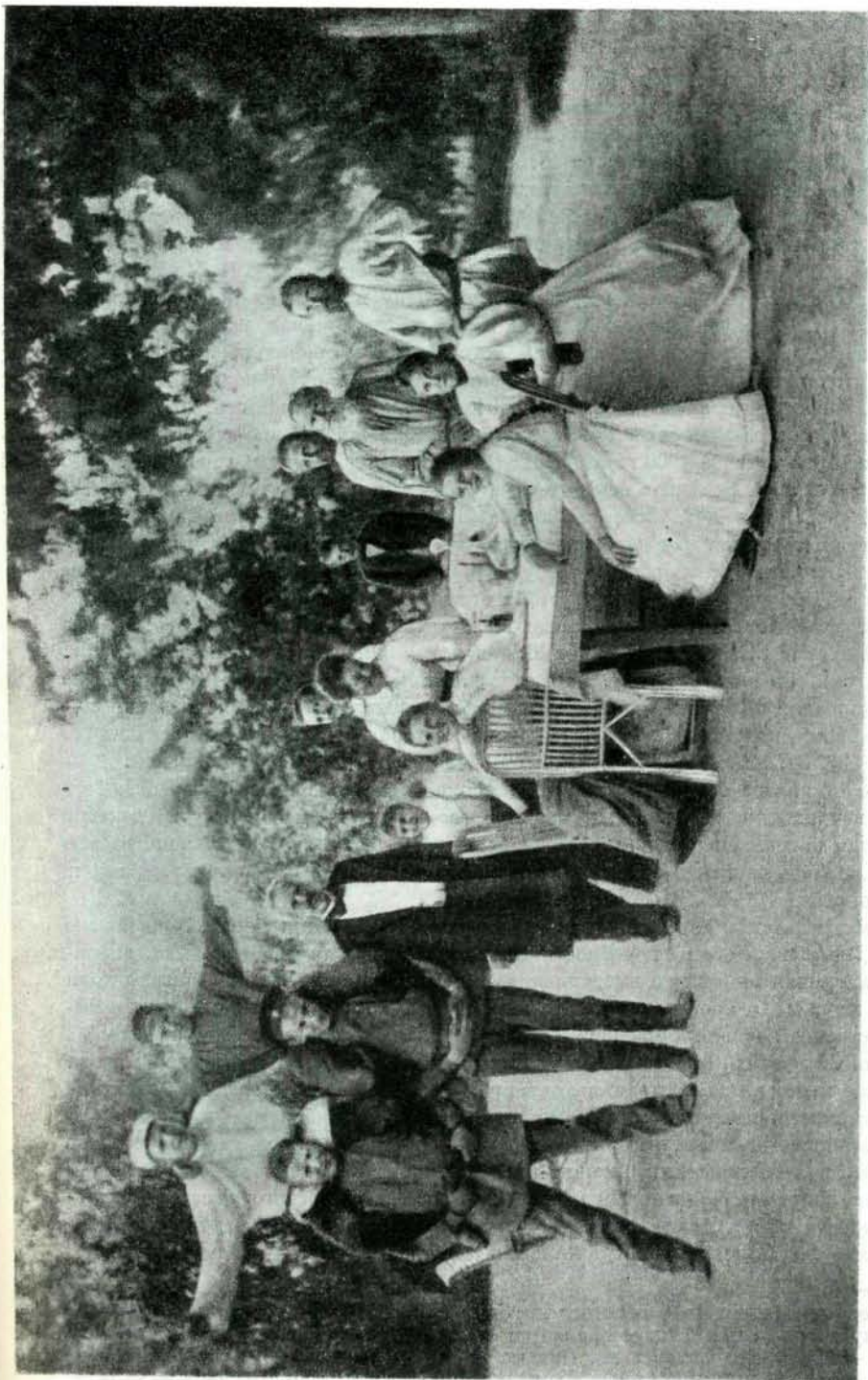
Можно было бы привести и другие примеры деятельности Шкарвана как пропагандиста Толстого за границей.

В 1910 г. Шкарван вернулся на родину в Словакию, где и прожил до конца жизни, занимаясь врачебной практикой и переводами.

Еще в бытность в Швейцарии Шкарван закончил работу над второй, сильно отличающейся от первой, редакцией книги «Записки военного врача». «Я пишу свои записки по-словацки, потому что русскими я всегда был чересчур недоволен», — сообщал он Толстому 2 апреля 1900 г. (АТ). В новой редакции «Записки» были напечатаны впервые в Америке, в выходившей там на словацком языке ежедневной газете «Slovenský Denník» (1904, № 809—842), а отдельным изданием вышли только в 1920 г. (A. Š k a r v a n. Zápisky vojenského lékaře. Praha, 1920). (На русском языке это переработанное издание записок не появлялось.) В дневнике Шкарван отметил, что его книга не привлекала к себе внимания соотечественников. Действительно, как мы указали, отдельным изданием на родине писателя она была выпущена лишь шестнадцать лет спустя после напечатания в американской газете. Между тем один из виднейших чешских критиков проф. Ф. Кс. Шальда причисляет ее к лучшим образцам чешской и словацкой литератур. «Если бы, — говорит он, — мне пришлось назвать иностранцу десять лучших книг нашей литературы, между ними безусловно были бы „Записки военного врача“ Шкарвана» (Подлинник на чешском языке. In memoriam Alberta Škarvana. — «Rozpravy Aventina», 1926, № 8, стр. 97). Не будучи толстовцем, Шальда отдает должное мужеству, проявленному Шкарваном при защите своих убеждений, и отмечает то сильное впечатление, какое произвела на современников — людей 1890-х годов — моральная борьба Шкарвана.

«Шкарван, — пишет он, — представлял собою поистине огромное культурное явление в словацкой жизни» (там же). Кроме сочинений Толстого, Шкарван переводил на словацкий и иные языки сочинения и других русских классиков — Тургенева, Чехова, Горького.

Образ Шкарвана привлекал внимание словацких писателей. Так, Владимир Кривош вывел его в пьесе «Толстовец», написанной на русском языке (СПб., 1906), а Петр Цван сделал его героем романа «Rojko» (Bratislava, 1959). В одной из глав этого романа описано посещение Шкарваном Ясной Поляны.

АЛЬБЕРТ ШКАРВАН У ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Стоят (слева направо): А. Шкарван, А. Л. Толстой (на плечах у них М. Л. Толстой и А. А. Берс), Шарль Бона-Мори, Н. Л. Оболенский, Т. Л. Толстая, И. И. Шибанов, В. Г. Чертов, Толстой, А. Н. Дунаев. Сидят (слева направо): m-me Обер, М. Л. Толстая, А. Л. Толстая, С. А. Толстая. Фотографии. Ясная Поляна, август 1896 г.

Музей Толстого, Москва

* * *

Отказ Шкарвана от военной службы и его арест произвели на Толстого большое впечатление. Перечисляя в дневнике «поразившие» его события, 15 февраля 1895 г. он отметил: «Еще событие „отказ Шкарвана“» (т. 53, стр. 8). Позднее поступок Шкарвана нашел отражение в драме Толстого «И свет во тьме светит», а сам Шкарван явился до известной степени прототипом Бориса Черемшанова, одного из героев этой драмы.

Вскоре после отказа Шкарвана от военной службы между ним и Толстым завязалась переписка, продолжавшаяся до последнего года жизни Толстого*.

Толстой живо интересовался судьбой Шкарвана, относился к нему с неизменной теплотой и сердечностью, дорожил его письмами, о чем не раз говорил и самому Шкарвану и общим друзьям. «Я получил от него письмо, — сообщал он Д. П. Маковицкому 24—25 октября 1895 г., — которое доставило мне одну из лучших радостей жизни» (т. 68, стр. 234). «Вообще все, что касается вашей частной жизни, ваших отношений к матери вашей, к вашим родным, друзьям, того, как вы материально устроили свою жизнь, все это оч(ень) близко трогает меня, потому что я вас очень полюбил», — писал Толстой Шкарвану 14 ноября 1895 г. в первом письме к нему (т. 68, стр. 256). Такими же дружескими чувствами и симпатией проникнуты и все дальнейшие письма Толстого. Так, например, 28 декабря 1900 г. он писал: «Получил ваше длинное, хорошее письмо, милый друг Шкарван. Все мне в нем интересно <...> и более всего о вас самих» (т. 72, стр. 543). И через много лет, 15 марта 1907 г.: «Спасибо вам, милый Шкарван <...>, за ваше хорошее письмо, которое дало мне заглянуть в вашу добрую душу. Всегда вспоминаю о вас с настоящей любовью, не требующей никакого усилия, а, напротив, скорееносящую в себе частицу пристрастия» (т. 77, стр. 64).

Об интересе к письмам Шкарвана свидетельствуют и дневники Толстого: «За это время были письма <...> Прекрасное от Шкарвана», — записывает он 6 ноября 1895 г. (т. 53, стр. 69), а в январе 1906 г. заносит в дневник понравившиеся ему строки из письма Шкарвана: «Шкарван прекрасно пишет, что наша теперешняя революция — огонь, в котором сожжет сама себя вся та нечисть, которая мучит и развращает Россию» (т. 55, стр. 180; ср. 526. — Цитируемое письмо Шкарвана в АТ не сохранилось).

Письма Шкарвана исполнены чувства глубокой признательности и любви к Толстому. «Я непрестанно, ежедневно думал про вас, — писал он Толстому 14 декабря 1904 г., — так как вы единственный имели решающее, неизгладимое влияние на всю мою жизнь. Нельзя не думать об вас, нельзя забывать вас, все равно как нельзя забыть про самого себя» (АТ).

Шкарван делится с Толстым своими душевными тревогами и морально-идейными исканиями, посвящает его в подробности своего домашнего и семейного быта, информирует об антимилиитаристских выступлениях в различных странах, о фактах отказа от военной службы, о происходящих стачках, аграрных беспорядках и других событиях общественной жизни Западной Европы, черпая сведения главным образом из таких мало доступных Толстому источников, как словацкая и венгерская пресса.

Большое место в письмах занимают вопросы, связанные с переводами сочинений Толстого на иностранные языки, чем постоянно был занят Шкарван. Оживленная переписка возникла, в частности, при переводе «Круга чтения» на немецкий язык. Но Шкарван был не только переводчиком книги, он посылал Толстому также и материалы для нее. Так, например, присланный им перевод рассказа известного чешского писателя Яна Гербена «Брат Иван Палечек» был переработан Толстым для «Детского круга чтения»¹ под названием «Шут Палечек» (сообщено С. Колафой, см. также т. 40,

* В Собрании сочинений Толстого опубликовано двадцать три письма Толстого к Шкарвану и одно адресованное совместно ему и Х. Н. Абрикосову (см. тт. 68—73, 76—78, 80—81, стр. по указателям). Письма относятся к 1895—1910 гг. Подлинники двадцати одного из них хранятся в Словацкой библиотеке в Праге, двух — в Литературном архиве Словацкой Матицы в городе Мартине (Словакия). Семьдесят четыре письма Шкарвана к Толстому за те же 1895—1910 гг. хранятся в АТ. Три из них были опубликованы в отрывках в Собрании сочинений Толстого (т. 72, стр. 359, 360, 564—565), одно полностью — «Свободное слово», II, 1898, стр. 176—209. Остальные в печати не появлялись. Все письма написаны по-русски.

9

x

keine da, da ich
nicht mehr zu neuen
Veränderungen

стр. 412—422; т. 56, стр. 392, 574, 578). Шкарван обратил внимание Толстого на отсутствие в «Круге чтения» главы о целомудрии, и «Мысли о целомудрии» были внесены во второе издание книги (т. 77, стр. 82—83) и т. д. Письма Шкарвана содержат также ряд других откликов на произведения Толстого.

* * *

Мысль написать воспоминания о Толстом зародилась у Шкарвана вскоре же после отъезда из России. Но намерение это осталось неосуществленным. В письме от 22 января 1906 г., пересылая Толстому выдержку из своего дневника, Шкарван писал: «Посылаю вам обещанную записку из дневника *, хотя вряд ли стоит. Это одна из тех мазней, которые я наскоро набрасываю в свой дневник, чтобы мысль не пропала, в надежде когда-нибудь получше обработать» (АТ). Такие же наскоро набросанные отрывки, не дождавшиеся обработки, представляют собою и воспоминания Шкарвана о Толстом. Они рассеяны в его дневниках и других рукописях и содержат наблюдения и замечания, отражающие как непосредственные впечатления от встреч с Толстым, так и ретроспективные описания и раздумья. Начав записи о Толстом в период пребывания в России (1896—1897), Шкарван вновь и вновь возвращается к ним в течение всей остальной жизни, до 1926 года — года своей смерти.

Мы печатаем наиболее интересные по содержанию мемуарные и дневниковые записи Шкарвана, которые нами извлечены из его многочисленных набросков. Нам не удалось внести стройность в этот разрозненный материал и расположить его по какому-либо единому — хронологическому, тематическому или иному — признаку, и наша публикация носит по необходимости фрагментарный характер. Тем не менее рассказанное Шкарваном представляет бесспорный интерес. Из обрывочных, не связанных между собою заметок встает живой образ Толстого, возникают сцены его жизни.

Воспоминания Шкарвана подкупают своей искренностью и непосредственностью. Он стремился к предельно достоверному описанию того, что видел во время пребывания у Толстого, но активно-эмоциональный характер восприятия уводил его иногда к субъективным суждениям и оценкам.

На обложке тетради, озаглавленной «Tolstoi», в виде эпиграфа он написал по-русски: «Я не ишу похвалы, я хочу правду сказать». Правдивость как отличительную черту характера Шкарвана отмечал и Толстой: «Хорошей нашел вашу всегдашнюю дорогую правдивость...» — писал он ему 9 марта 1899 г. (т. 72, стр. 563).

В воспоминаниях Шкарвана привлекают самостоятельность и своеобразие его суждений. «Его <Шкарвана> взгляды на жизнь, — говорит Х. Н. Абрикосов, — были всегда очень оригинальны и интересны. Лев Николаевич их ценил» (Х. Н. Абрикосов. Двенадцать лет около Толстого. Летописи Гос. лит. музея, кн. XII. Л. Н. Толстой, т. II. М., 1948, стр. 389). Шкарван подходит критически ко всему, с чем сталкивается в России, к окружению Толстого, наконец, к самому Толстому. Как бы введением к публикуемым записям служит отрывок из упомянутой тетради Шкарвана «Tolstoi». «К Льву Николаевичу, — пишет здесь автор, — я попал не тогда, когда об этом мечтал, горячо желал этого, когда мучил меня ряд волнующих вопросов и я жаждал их разрешения, совета и помощи, а несколько лет позже, когда я уже был самостоятелен, стоял твердо на своих ногах, когда я в том уже не нуждался и научился искать и находить помощь себе во всем помимо людей — без всяких посредников, непосредственно, прямо у источников жизни — в душе своей, у бога <...> Хотя этот человек и имел огромное значение в моей жизни, и я его выделял из всех людей, мне известных, и горячо любил его, я все-таки поездкой этой и предстоящим мне свиданием с ним и не волновался, и особенно не был счастлив...» (Подлинник на русском языке.)

В записях Шкарвана мы встречаем как неизвестные до сих пор факты из жизни Толстого, так и известные, но получившие здесь новое подтверждение и освещение.

* Речь идет о дневниковой записи от 19 декабря 1905 г., в которой Шкарван рассказывает о своем решении не платить налогов. Этот отказ вызвал раздражение швейцарских властей и имел для Шкарвана ряд неприятных последствий. — П. Б.

Представляют интерес отдельные высказывания Толстого, зафиксированные Шкарваном. Слова Толстого часто приводятся мемуаристом в буквальной записи.

В одном из публикуемых фрагментов Шкарван передает разговор с Толстым о его художественных и философских работах. Вопреки широко распространенному мнению, Шкарван был склонен рассматривать художественные произведения и философские труды Толстого как нечто единое, органически между собою связанное. Он сказал Толстому, что художник и мыслитель в нем «нераздельны». На это Толстой ответил: «Да, вы правы, вы это правильно почувствовали» (отрывок 9).

Заслуживает внимания замечание Шкарвана об исключительном интересе, который Толстой проявлял к деятелям искусства (отрывок 16).

Большое место в воспоминаниях Шкарван отводит личности Толстого. Он стремится подчеркнуть такие черты Толстого, которые другие, писавшие о нем, или не отмечали, или, по его мнению, неправильно истолковывали.

Шкарван характеризует Толстого как борца, в котором была «неукротимая дикая сила», позволявшая ему одному «восстать против всего мира», потрясти и разбить «основы лжи». Этой «дикой силой» Шкарван объясняет любовь Толстого «изображать дикость» в своих художественных произведениях. В качестве примера он называет Хаджи-Мурата, «милого неудачника дикого Федю», «неукротимого» Корнея Васильева (отрывок 11).

Решительно возражает Шкарван и против утверждения, будто Толстой не боролся со злом. В течение всей жизни Толстой, говорит Шкарван, боролся со злом, как «лютый лев». Он учил, что нужно неустанно и всеми средствами бороться против социального зла, кроме единственного средства, которое он считал «неразумным» и не достигающим цели, — «противления злу насилием» (отрывок 19). Шкарван сближал точку зрения Толстого с точкой зрения известного чешского моралиста и религиозного мыслителя XV в. Петра Хельчицкого (отрывок 20).

Категорически опровергает Шкарван взгляд на Толстого как на аскета, как на человека, не понимающего радостей жизни. «Жестокая ошибка! — пишет Шкарван. — Ничто так не далеко от истины! Толстой подлинно наслаждается жизнью...» (отрывок 12). «Рядом с Толстым каждый день, каждый час и каждая минута были интересны» (отрывок 16). Толстой был художником не только в искусстве, но и в жизни.

Шкарван пишет о душевной тонкости Толстого, его умении понять человека, его поразительной чуткости, позволявшей ему сразу улавливать «у кого что болит, от чего кто страдает» (отрывок 16). Внимательное отношение Толстого к каждому человеку благотворно сказывалось на окружающих: «Люди обычно угрюмые, раздражительные, невоспитанные часто делались в его присутствии неузнаваемыми» (отрывок 17). Толстой, — говорит Шкарван, — «не выискивал в людях их слабые и плохие стороны <...> Он выискивал в людях все, что в них есть хорошего и красивого...» (отрывок 16).

Но одной из самых главных черт личности и характера Толстого Шкарван считает его доброту. Толстой, по его словам, был «переполнен семенами добра» (отрывок 30). Наряду с этим Шкарван отмечает, что Толстой «любил померяться силами и пошутить над сильными мира сего, занимающими высокие посты» (отрывок 16).

Подчеркивая мягкость, деликатность Толстого, его нежное отношение «к маленькому, слабому человеку» (отрывок 16), Шкарван не скрывает его умения освободиться от докучливых людей, от которых он просто отходил, повернувшись спиной. Но, добавляет автор, «резок Толстой бывал очень редко» (отрывок 25).

В одном из фрагментов Шкарван рассказывает о том, что на Толстого производил и иногда очень сильное впечатление самые заурядные слова и поступки людей. Он приписывает это способности Толстого видеть больше и глубже, «чем было сказано или показано» (отрывок 21). Наблюдение не лишено интереса для исследователей творчества Толстого.

Значительное внимание уделяет Шкарван вопросу об особенностях характера Толстого. По мнению Шкарвана, сохраняя все достоинства и добродетели русского, Толстой «перерос рамки русского» (отрывок 40).

Среди публикуемых отрывков выделяется очерк о смерти яснополянского крестьянина Макарова (отрывок 5). Несмотря на то, что он написан на чужом для

Шкарвана русском языке, в нем чувствуется перо писателя. Запись сделана во время пребывания в Ясной Поляне осенью 1896 г., и в ней нашли отражение мысли, высказанные Толстым в драме «И свет во тьме светит», над которой в тот период работал Толстой (см. примеч. 5). Напомним, что Шкарван послужил прототипом для одного из основных действующих лиц этой драмы — Бориса Черемпанова.

Во многих фрагментах Шкарван резко отрицательно отзывался о толстовцах, которых большей частью рисует самыми мрачными красками, называет «узкими, фанатичными доктринерами». Суровая критика в адрес толстовцев со стороны, казалось бы, единомышленника — одна из примечательных особенностей записей Шкарвана.

Несмотря на преклонение перед Толстым как философом-моралистом, вероучителем и человеком, Шкарван подчеркивает, что он в своих взглядах стоял «на собственных ногах», «критически» относился к Толстому. Так, например, он писал: «Мне нравились и произвели на меня сильное впечатление первые из толстовских сочинений после его возрождения: „Московская перепись“, „Исповедь“, „Так что же нам делать?“, его народные повести. Поздние его философско-религиозные, критические, более крупные и небольшие работы, избличающие мир в неправде, часто совсем меня не увлекали, оставляли меня равнодушным. То же действие этих произведений я наблюдал на других. — Чем это объяснить? Почему так? Думаю потому, что нет в них той зажигающей силы, которая видна там, где он рассказывает о себе, о своей борьбе и победе, где видно горение его души. Здесь видна разница между примером из жизни и поучением, проповедью. Проповедовать надо, но самая высокая, самая совершенная проповедь — это проповедь примерами из собственной жизни. Все это всегда у Толстого было и с годами даже возрастало. Однако это не отразилось на его избличающих сочинениях». («Мое возрождение». — Подлинник на словацком языке.)

Шкарван, как правило, восторженно отзывался о Толстом-художнике, но и здесь встречаются исключения. Познакомившись с 35-й главой первой части «Воскресения», он записал в дневнике: «Какое неприятное впечатление делает Нехлюдов в разговоре с прокурором! Так жалко, что он становится настоящим толстовцем там, толстовцем русского фасона. Так фальшиво это умиление собой, когда заявляет прокурору о Катюше. И этот способ его заявления протеста против судов!» (Дневник 1897—1899 гг., 24 ноября 1899 г. — Подлинник на русском языке.)

Критические замечания по поводу «Воскресения» Шкарван высказал и непосредственно Толстому в письме к нему от 31 января 1900 г. Выражая «духовную радость и умиление», вызванные чтением последнего разговора Масловой с Нехлюдовым, он вместе с тем пишет: «Все „Воскресение“ мне очень нравится, за исключением тех мест, где вы умышленно, преднамеренно обличаете. Я с этим никогда не мог примириться, хотя оно мне у вас никогда не мешало» (АТ).

Но существование разногласий не могло поколебать глубоких чувств Шкарвана к Толстому. До конца жизни он сохранил верность идеям Толстого и привязанность к нему как человеку. Незадолго до смерти он особенно тепло и восторженно писал в дневнике о «дорогом дедушке».

И последними словами Шкарвана, повторяемыми им в предсмертной агонии, были: «Толстой возгласил правду жизни».

* * *

Публикуемые фрагменты дневников и воспоминаний извлечены из рукописного наследия Шкарвана. Основная часть этого наследия хранится в Литературном архиве Словацкой Матицы, в г. Мартине (Literárny archív Matice Slovenskej. Сокращенно — LAMS), отдельные документы в собраниях жены Шкарвана и его друзей в Праге и других городах Чехословакии.

В 1936 г. по заданию директора Государственного литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевича автором настоящей работы были заказаны машинописные копии и фотокопии большинства рукописей Шкарвана и писем к нему Толстого. В настоящее время эти копии переданы в ЦГАЛИ, где входят в фонд П. Г. Богатырева (№ 47, опись 2).

Среди рукописей Шкарвана значительное место занимают дневники, охватывающие (с пропусками) время с 1896 по 1926 год. Они объединены по периодам следующим обра-

АЛЬБЕРТ ШКАРВАН
 Фотография, 1910-е годы
 Собрание П. Г. Богатырева, Москва

зом: 1. Дневник 1896—1897 гг. (по апрель 1897 г. включительно); 2. 1897 (май) — 1899 гг.; 3. 1915, 1919—1921 гг.; 4. 1921—1923 гг.; 5. 1924—1926 гг.

Часть записей дневника 1896—1897 гг. выделена Шкарваном и озаглавлена: «Переписанные мысли, которые я набросал на отдельных листочках во время моего пребывания в России, некоторые из них я, переписывая в Крайтоне, дополнил» (подлинник на словацком языке). Этот источник при ссылках обозначается сокращенно *Myšlienky*. Остальные записи дневника 1896—1897 гг. приводятся с указанием: ч. I, а записи марта-апреля 1897 г. — с указанием: ч. III.

Дневник 1924—1926 гг. озаглавлен Шкарваном: «Воспоминания д-ра Альберта Шкарвана» (подлинник на словацком и русском языках). Сокращенно: *Pamätník*. Машинописные копии дневников Шкарвана (1896—1897 гг. и 1897—1899 гг.) значатся в ЦГАЛИ под единицами хранения № 71, дневники остальных лет — под № 272; фотокопии «*Pamätník*» — под № 273.

Помимо записей из дневников, мы помещаем также материалы рукописей, объединенных Шкарваном под заголовком: «Замечания д-ра Шкарвана о Л. Н. Толстом» (подлинник на словацком языке). Рукописи «Замечаний» не датированы. Единица

хранения машинописной копии в ЦГАЛИ — 207. Сокращенно: *Rozpomienky*. Во вступительной статье нами использованы записи Шкарвана в его дневнике-исповеди «Мое возрождение» («Moja premena»). Единица хранения машинописной копии в ЦГАЛИ — 271.

Наибольшее количество публикуемых отрывков взято нами из набросков о Толстом, сделанных Шкарваном в ученической тетради в синей обложке. На белой наклейке этой тетради рукой Шкарвана надписано: «Tolstoi». При ссылках сокращенно: *Синяя тетрадь* *.

Свои дневники и воспоминания о Толстом Шкарван писал на словацком, русском, немецком и венгерском языках. При каждом публикуемом иноязычном фрагменте указывается, с какого языка сделан перевод. Русский текст, встречающийся в иноязычных записях, оговаривается в подстрочных примечаниях.

В отрывках, написанных по-русски, нами исправлены без оговорок орфографические ошибки и в отдельных случаях погрешности против русского языка. Объяснения непонятных фраз даются в примечаниях под текстом.

Любопытно, что одно неправильное русское выражение Шкарвана привлекло внимание Толстого, и он ввел его в текст незаконченной драмы «И свет во тьме светит». В V действии драмы, известном только в конспекте, Толстой пишет: «Н(иколай) И(ванович) входит, говорит с доктором. Тщета лечения — дутье дороже. Но для жены согласен». Слово «дутье» заимствовано Толстым из письма Шкарвана; под ним подразумевается раздувание в душе религиозного чувства (ср. т. 31, стр. 184).

Кроме рукописных материалов, мы включили в нашу публикацию и несколько выдержек из автобиографии Шкарвана, напечатанной в словацком журнале «Prúdy» — Albert Š k a r v a n. *Vlastný životopis*. «Prúdy», 1926, Ročník X, september, № 7, стр. 411—425. Сокращенно: *Vlastný životopis*.

Автобиография была записана по-русски доктором Федором Белявиным, которому больной Шкарван рассказал ее за два месяца до смерти. Русский текст автобиографии нам не удалось обнаружить, и мы печатаем отрывки из нее в обратном переводе со словацкого языка.

Отобранные для публикации отрывки взяты:

1, 2 — *Синяя тетрадь*, стр. 23—26, 33—34; 3 — *Vlastný životopis*, стр. 422—423; 4 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 97—98 **; 5 — *Myšlienky*, стр. 5—6; 6, 7 — *Синяя тетрадь*, стр. 9—13; 8 — *Myšlienky*, стр. 6; 9 — *Синяя тетрадь*, стр. 7—9; 10, 11 — *Pamätník*, фото № 136—137, № 62; 12 — *Синяя тетрадь*, стр. 35—37; 13 — *Rozpomienky*, стр. 23—24; 14, 15 — *Vlastný životopis*, стр. 424, стр. 423—424; 16 — *Rozpomienky*, стр. 15—17; 17, 18 — *Синяя тетрадь*, стр. 17—19; 1—6; 19 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 102—104; 20 — *Дневник 1915—1919—1921 гг.*, стр. 16—17; 21 — *Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 37—38; 22 — *Myšlienky*, стр. 11; 23 — *Vlastný životopis*, стр. 422; 24 — *Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 59—61; 25 — *Pamätník*, фото № 146, 147, 148; 26 — *Дневник 1897—1899 гг.*, стр. 65; 27, 28 — *Синяя тетрадь* — вкладной листок IV, стр. 1; 29 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 71; 30 — *Синяя тетрадь*, стр. 16; 31, 32 — *Rozpomienky*, стр. 18; 19—20; 33 — *Pamätník*, фото № 66, 67; 34 — *Rozpomienky*, стр. 17; 35 — *Дневник 1896—1897 гг.*, ч. I, № 27; 36 — *Rozpomienky*, стр. 19; 37 — *Дневник 1921—1923 гг.*, стр. 14; 38, 39 — *Pamätník*, фото № 121, 122, 138, 139, 140; 40 — *Синяя тетрадь* — вкладной листок III; 41—42 — *Pamätník*, фото № 133, 134, 167.

* *Синяя тетрадь* принадлежит автору настоящей статьи и была подарена ему одним из друзей Шкарвана.

** Здесь, как и в ссылках на другие дневники и рукописи, указываются страницы машинописных копий, хранящихся в ЦГАЛИ.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ И МЕМУАРНЫХ ЗАПИСЕЙ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА

1

Подлинник по-русски

На второй день утром, сейчас же после завтрака, Чертков посадил меня возле себя в мужицкую телегу, и мы поехали в Ясную¹. Ничего особенного, никакого волнения, никакого смущения, даже никакого любопытства я не испытывал в виду этой встречи, а самое простое, обыкновенное, спокойное чувство, то самое, какое я и прежде сотни раз знал. Подъезжая к т<олстовскому> имению, поразила меня сравнительная простота, даже ošarganost *, входа, дальше — запущенность, заброшенность парка, неприглядность дорог и дорожек в нем, так, что я затруднялся бы назвать это даже парком. Я знал по описаниям и рассказам, что Толстой устроил себя просто, но то, что я встретил, поразительно превосходило фантазию. Даже у нас на бедном Slovensku ** не то, что у графов, а у средней руки помещиков куда больше опрятности и Aufgerutztheit *** кругом барских усадеб. И сам дом неважный. Большой, удобный, но далеко не барский — gondokott ****. Особенно нижний этаж, с своими низкими, подвально-gewölbt ***** комнатами, тесным коридорчиком, не особенной чистотой производит неважное впечатление. Верх хороший. Просторно, светло, чисто и все в порядке. Без всяких финтифлюшек, дорогих и дешевых, без украшений, но хорошо, гармонично, приятно и, несмотря на простоту, чувствуется Vornehmheit *****, почти что уютно.

Но это я вперед забежал. Мы не входили в дом, а остановились в веранде, где некоторые члены семейства сидели за завтраком. Льва Николаевича еще не было, но была графиня, ее дочери, кое-кто из родственников, гувернантки. В доме у Толстого не чувствуешь никакого стеснения, почти никакой официальности, церемонии, все ведут себя просто и естественно, как многоопытные умные люди. Тон дома царит приятный. Графиня очень repräsentabel***** хозяйка, умная, энергичная дама, с характером. Толстовцы ее недолюбливают, она их, но мне лично она была с начала до конца симпатичная, и я чувствовал к ней уважение. Грешный человек, я в многом отношении сочувствовал ей даже в ее резко отрицательном отношении к «друзьям» Толстого, которых она называла темными, считала непристойным хвостом своего «светлого» гениального Левы.

Через четверть часа пришел Лев Николаевич, утренно-свежий, с легкой походкой, приятно улыбающийся.

— А вот ты познакомишься и с Шкарваном, — сказала ему навстречу графиня.

— Мы с ним уж хорошо знакомы, знаем друг друга, неправда ли? — очень любезно и ласково сказал Лев Николаевич, подавая мне руку, поцеловав меня и глядя мне продолжительно в глаза тем особенным, кажется, ему одному свойственным трогательным пытливым взглядом, которым он как бы осматривает и видит все внутри души вашей. Вы прямо это чувствуете. Знатоки вообще совсем иначе осматривают вещи, чем зритель из публики. Мне говорили, что этот первый Hineinsehen in die

* ветхость (слов.).

** Словацком крае (слов.).

*** нарядности (нем.).

**** управляющего имением (венг.).

***** сводчатыми (нем.).

***** барственность (нем.).

***** представительная (нем.).

Menschen * у Льва Николаевича и есть решающий момент в оценке человека и что тут он обыкновенно не ошибается. Всмотрелся человеку, которого в первый раз видит, в глаза и моментально улавливает в нем скрытого волка или дьявола, которого никто в нем не подозревал. Встреча была самая приятная. Я так и знал и ждал, что Лев Николаевич личность приятная, милая, но действительность превзошла, если так можно сказать, ожидаемое. Лев Николаевич милее, чем я ждал, мягче, доступнее: настоящий друг, брат, отец. В этом отношении действительность превзошла ожидаемую картину, хотя и это не поразило меня, и я нашел даже естественным это. Человек действительно выше всего любящий добро и истину. Человек, сделавший ту работу духа, какую совершил Толстой².

2

Подлинник по-русски

По вечерам после ужина обыкновенно все оставались тут же в зале, усаживаясь кругом большого круглого стола в другом конце ее, и шло чтение. Читали громко кое-что из журналов, по указанию Льва Николаевича. Он выбирал авторов, а то читали и неизвестного автора, причем Лев Николаевич обыкновенно после первых же строк лектора решал, сто́ит ли, надо ли читать или нет. Графиня вязала. Играли в шахматы, на рояле. Пели. Лев Николаевич во всем этом участвовал. Шутил, веселил всех. Рассказывал, соответственно публики и настроения, всегда интересно и так, что записывая каждое его слово, вышли бы замечательные записки. Жаль, что этого почти никто не делал. Иногда забава переходила в танец и принимала невинный характер. Разыгрывались страсти. Пошла русская. Viskaly **. Иногда до самого утра. При таких переходах Лев Николаевич уходил к себе, только иногда заглядывал, что делается. Бывал серьезный. Страдал, волновался. Уходил вообще, когда становилось пусто и неинтересно. Графиня говорила про него: «Он эгоист. Выжмет людей, как лимон, и бросит их». В этом доля правды. Он брал интересное, напрасно не возился с людьми. Так и надо. Так я видал его часто вдруг внезапно ушедшим из общества, даже толстовцев. По лицу видно, что ему скучно и грустно.

Sam k sebe povédal: pod'me, L. N.! Je poslušný! — Druhý raz: Vidite ako ja tu žijem! Ako chimík okružný svojími elementami, som okružný hriechami. Nádam preto tak znám biedu sveta***. Распрощается. Он умел жить содержательно. Напрасно не тратил ни силы, ни время. Он действительно наслаждался, как только гений наслаждается. Это видно было, это чувствовалось. Атмосфера кругом него бывала насыщена духовностью, которая невольно переходила на людей и действовала заразительно иногда на самых тупых.

3

Перевод со словацкого

Раз Лев Николаевич позвал меня погулять, и мы вместе прошли с ним через всю деревню. Я был удивлен, что Толстой знал обо всем, что происходило в деревне. «Что, продал уже лошадь?» — спрашивал он у одного. «Лучше стало твоей жене?» — другого. «Что, приехал уже твой

* взгляд, проникающий в душу человека (нем.).

** Взвизгивали (слов.).

*** Сам себе говорил: «Пойдемте, Лев Николаевич! Вы ведь послушный!» — Другой раз: «Видите, как я тут живу! Как химик, окруженный своими элементами, я окружен грехами. Потому-то, кажется, я так хорошо знаю все беды мира» (слов.).

брат?» — обращался он к третьему. Когда мы вышли из деревни, Лев Николаевич показал вдаль на горизонте место, где были похоронены его родители. При этом заметил, что он довольно равнодушен к их останкам и что не чувствует к ним особого пиетета. Потом мы подошли к старику, который косил, и видно было, что он совершенно обессилел от тяжелой работы. Лев Николаевич взял у него из рук косу и скошил весь луг. Я был очень удивлен. Он отослал меня домой с просьбой не говорить графине, где он находится и что делает. Как потом выяснилось, он до самого вечера работал вместо старика, питаясь его простой и скромной похлебкой. Он всегда заботился о яснополянских мужиках. Например, вместе со мной он каждый день ходил на стройку избы одной погоревшей женщины. Эта стройка шла под его руководством и наблюдением.

4

Перевод со словацкого

23 ноября 1922 г.

Марья Львовна, дочь Льва Толстого, с которой я познакомился в Ясной, когда она была еще девушкой, произвела на меня глубокое впечатление. Она была высокая, стройная, худощавая, лицом почти некрасивая, бледная, с веснушками, с длинными выступающими вперед зубами и все же красивая, мне казавшаяся очень красивой, ибо была мила, добра и умна. У ней, как и у отца, было чистое, золотое преданное сердце. Она была добра, ласкова, любила правду, жила богатой духовной жизнью. Была мила — прекрасный чистый тип славянской русской женщины. Мне представляется, что характером она походила на мою мать. При этом она была высоко образована. Думаю, что она не только как дочь, но и душевно была близка Толстому, очень близка, полагаю, была ему самой близкой. Не могу без слез умиления думать о ней. То, что на свете существуют такие женщины, какой была Марья Львовна, является одним из редчайших сокровищ жизни.

Я несколько раз ходил с нею к больным; два раза мы вместе ездили в Тулу, в Козловку³; раз мы в лунную ночь довольно поздно после ужина сидели вместе на ступеньках перед деревянной верандой, она на одном крае крыльца, я на другом. Как-то раз ей нездоровилось *, она попросила позвать меня к ней в спальню. Там была ее старшая сестра Татьяна и еще кто-то. Позднее пришел и Лев Николаевич. Она лежала одетая на диване, с турецкой подушкой под головой, и поразила меня своей красотой, ей одной свойственной, не физической, а той особой красотой духовно прекрасных женщин.

Еще осталось у меня в памяти, когда в последний вечер перед моим отъездом из Ясной во время игры на рояле она вдруг встала, взяла в руку платок и одна пустилась плясать красивый плавный народный танец, известный в России под названием «русская». Плясала она прекрасно, с темпераментом, в совершенстве, как настоящая танцовщица. Все мы засмотрелись на нее, и я чувствовал, как усиленно бьется мое сердце. Она не только поразительно хорошо плясала, в ней было обаяние; лицо ее совершенно преобразилось, она была обворожительна.

Я должен был на другой день рано утром уехать, кажется, в Москву к Чертковым. Было уже поздно, около двенадцати часов, или, может быть, даже позднее. У Толстых я чувствовал себя так хорошо, обстановка, которая создавалась там главным образом благодаря Льву Николаевичу, была для меня такой исключительной, что, когда я подумал о своем

* нездоровилось написано по-русски.

отъезде, сердце у меня сжалось, и я почувствовал себя таким подавленным, что чуть не расплакался. Я сидел в стороне, довольно далеко от Льва Николаевича, но он, должно быть, заметил, что со мною происходит, так как, уходя в спальню, особенно ласково пожимая мне руку и пристально посмотрев мне в глаза, решительно сказал: «А вы завтра никуда не уезжайте, оставайтесь еще у нас!» Я готов был расцеловать старика, так я обрадовался и так был ему благодарен за эти слова. И, разумеется, остался.

Позднее Марья Львовна вышла замуж за своего двоюродного брата князя Оболенского, доброго милого человека, но духовно стоявшего много-много ниже ее. Я должен был уехать из России, попал в Англию, затем в Швейцарию и жил в Женеве, когда по прошествии нескольких лет получил однажды письмо, в котором сообщалось, что Марья Львовна умерла⁴.

Никогда еще не испытанная боль сжала мне сердце, и в присутствии всех, бывших в комнате, я громко зарыдал.

Это была для меня первая потеря действительно дорогого мне существа.

5

Подлинник по-русски

Записал в Ясной Поляне <18>96 (осенью)

Вчера утром заходил к мужику, которого я видел и третьего дня лежавшего больным на грязном полу, покрытого разными лохмотьями. Я не был совсем уверен, в ту ли хату я попал, и потому спросил у встречного мне в сенях мужика, тут ли живет Макаров и дома ли он? Можно было ожидать, что он на работе, так как он сразу заболел, молодой сильный мужик. Когда третьего дня осматривал его, у него, кроме симптомов острого катара и слабого действия сердца, ничего я не заметил угрожающего. Прежде чем мне ответить на мой вопрос, мужик любезно приветствовал меня, а после того только сказал стойчно: «Да, Макаров дома, только он уж не живой — мертвый лежит». Мне казалось, что я не то понимаю, что мне говорят, но тут и дверь раскрылась. Под окном на скамье лежал чистой белой простыней покрытый покойник уже Макаров. На столе, покрытом скатертью, горела тонкая восковая свеча и лежал открытый псалтырь. В избе был порядок и было чисто. Кроме вышедшего мне навстречу мужика, был там еще дьяк, и несколько чисто одетых баб сидели молча, празднично и глядели спокойно на меня. Я смотрел на покойника, т. е. на простыню, которой он был накрыт и контуры которой показывали, где его голова. Мужик, введший меня, сказал: «Вот жисть-то наша!», подошел к нему и оттянул простыню с его лица, чтоб я мог его видеть. Я еле узнал его, так переменился вчера красный лицом мужик в бледного сегодня мертвеца. Голова была перевязана белым платком, который покрывал большую часть его бороды и волос. Около рта блестела желтая слюна у него. Не только покойник, но и все живые в избе говорили как бы: смерть.

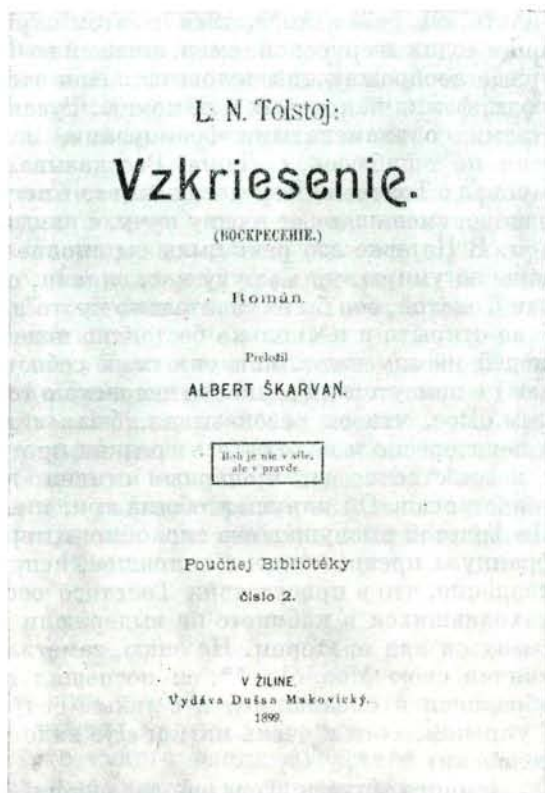
Меня удивляло, что он так неожиданно умер, и я выразил свое удивление: «Как же он так скоро скончался, вчера ведь утром был бодр, разговаривал и особенно не жаловался?»

— Да, он крепился. Но под конец ему стало тяжело, вот посюда пополз по полу от боли, — сказал мне мужик и показал на то место возле дверей, куда он дополз.

Я еще огляделся кругом, простился с присутствующими и пошел домой. Выйдя на улицу, во мне отзывались слова мужика: «Вот жизнь наша!»

«ВОСКРЕСЕНИЕ».
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
НА СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ.
ПЕРЕВОД АЛЬБЕРТА
ШКАРВАНА (ЖИЛИНА, 1899)

Титульный лист
Личная библиотека Толстого.
Музей-усадебка «Ясная Поляна»

И мысль о смерти вызвала во мне мысли о моей жизни, о деятельности медицинской.

Всех нас ждет та же участь, постигшая Макарова, а мы творим пустой, легкомысленный шум там на Lawn-tennis по целым дням и повторяем то же по вечерам в столовой⁵. И стало мне жалко не одного себя, но и Марию Львовну и других там в доме.

Нельзя шутить, нельзя дурачиться так, как это мы делаем, когда смерть у нас у всех за спиной стоит. Но жить серьезно, любовно и разумно надо не переставать, надо думать о том, что скоро исчезнет жизнь наша земная, и мы почти ничего не успели сделать с громадной задачей, наложенной на нас.

И того нельзя делать, чтобы ходить к умирающим, за тем, чтобы выслушивать их грудь и ощупывать им живот, подавать им пить ту или другую гадость, в которую сам не веришь и верить не можешь! Надо или совсем не ходить к умирающим, а если ходить, то как к брату, уходящему в другой, вероятно, еще более серьезный, чем этот известный нам мир!

6

Перевод с немецкого

Как-то раз мы собрались в его рабочем кабинете. Толстому нездоровилось, по лицу его было видно, что он страдает; он лежал на кушетке. В комнате, кроме Толстого, был известный писатель Меньшиков⁶, Трегубов⁷, я и какой-то офранцузенный русский, маленький, жеманный, разряженный человек с чисто французскими манерами; своим щегольским туалетом, своей изысканной, рассчитанной на эффект манерой разгова-

ривать, он резко выделялся в этом скромном окружении. Он, кажется, происходил из русской семьи, жившей во Франции. Незначительный, много о себе воображающий человек. При этом присутствовали еще и другие люди, фамилий которых я не помню. Русский парижанин хвастался знакомствами со знаменитыми французами, излагал содержание бесед своих, если не ошибаюсь, с Дюма. Рассказывал, как он с последним философствовал о Толстом. Передавал он это в легкой, поверхностной французской манере, смешивая все в одну кучу, с напыщенным патетическим фразерством. В Париже его речь была бы вполне уместна, быть может, сошла бы даже за умную, но в кругу нас, славян, особенно перед таким человеком, как Толстой, это было разительно пусто и смешно, и присутствующие русские открыто и несколько бестактно подсмеивались над ним *. Многие из людей не замечают, как они сами себя компрометируют, когда рассуждают в присутствии великого человека о том, что они считают умным и важным. Все, что он рассказывал, было в достаточной мере незначительно и неинтересно и находилось в резком противоречии со смешной важностью, с неестественно высокопарным стилем, которым этот человек разглагольствовал. Он нарушал общий тон, и его разговор был всем в тягость. Но Толстой выслушал его спокойно и терпеливо до конца. Когда же речь француза превратилась в сплошное, неприкрытое бахвальство и самовосхваление, что в присутствии Толстого особенно коробило, некоторые из находившихся в кабинете не выдержали и стали открыто, не скрываясь, смеяться над оратором. Не знаю, заметил ли он это или нет, но едва закончив свою *Mondóka* **, он поспешил проститься. Но Толстой тут же обратился к смеявшимся и с явным сочувствием к ушедшему *** сказал с упреком, хотя и очень мягко: «Не надо так, нехорошо, мы все люди, все человеки» ****.

Немного спустя Толстой заговорил о Мопассане. Известно, что он ценит Мопассана как одного из величайших художников, своеобразный и удивительный талант которого ему исключительно нравится. Он восхищается Мопассаном ⁸. Толстой спросил нас, знаем ли мы рассказ Мопассана «*Enfant*», пересказал этот и еще другие его рассказы, а под конец остановился на «*M-elle Perle*». Он чудесно передал содержание вещи. Хозяин дома, богатый, с округлым, толстым брюшком француз, тип настоящего буржуа, человек жеватый и отец нескольких детей, рассказывает за биллиардной игрой своему партнеру о романе, который у него в молодости был с одной бедной девушкой, *m-elle Perle*, воспитывавшейся в доме его родителей. Его связывала с ней настоящая любовь. Он вспоминает эту любовь, и при этом воспоминании слезы текут по лицу богатого и давно погруженного в житейскую прозу буржуа. Он плачет и вытирает слезы руками, испачканными мелом, и лицо его при этом оказывается тоже испачканным мелом ⁹. Толстой рассказывал эту скромную историю простыми словами, коротко, но с таким большим чувством, что весь задрожал при передаче этого глубоко художественного эпизода, всхлипнул, у него перехватило дыхание и глаза наполнились слезами. Казалось, он указывал на драгоценную жемчужину, в которой и заключалась настоящая ценность всего рассказа. Да, разумеется, Толстой понимает, как никто другой, все подлинное и прекрасное в жизни и в искусстве. Он знает, что самое прекрасное, то единственное, что остается, — это духовная красота, это то вечное, то божественное, это — любовь, тончайшим знатоком

* Далее незаконченная фраза: Толстой изменился в лице и сказал тотчас же по уходе этого человека...

** краткую речь (венг.).

*** Слова к ушедшему написаны по-русски.

**** Слова Толстого написаны по-русски.

которой он является. В благоговейном настроении вышли мы затем в сад, счастливые, что были соучастниками такого священного момента. Каким же отрезвляющим холодным душем обдало нас, когда Х., ученик и последователь Толстого, также находившийся в кабинете, с серьезным, недоумевающим* лицом спросил нас: «Вы не знаете, что случилось с Толстым, почему он плакал?»

Я был возмущен нечувствостью этого странного ученика и позже, оставшись наедине с Меньшиковым, дал полную волю своему возмущению. Но Меньшиков, который, вероятно, гораздо лучше знал эту публику, отнесся хладнокровнее, спокойнее, чем я, ко всей этой истории и, как мне показалось, находил нечувствость Х. совершенно нормальной, а мою чувствительность, напротив, — ненормальной.

Я же еще не раз имел возможность убедиться, что многим, а может быть даже большинству из тех людей, которые хотели бы идти по стопам Толстого, тонкие движения души, составляющие, по моему мнению, сущность христианства, оказываются весьма чуждыми и неинтересными даже тогда, когда, как в данном случае, «вещь им на лопате подается»**.

Меня это тем более удивляло, что я издавна привык встречать в нашем словацком народе, часто у самых простых крестьян, тончайшие и благороднейшие чувства.

7

Перевод с немецкого

Как-то рассуждали об определении человека по цвету, что в то время было новой декадентской модой, причем многие утверждали, будто они знают совершенно определенно, кто какого цвета. (Толстого находили золотым.) На это Толстой сказал, что они с Тургеневым давно уже об этом говорили и почти всегда одинаково определяли цвет своих знакомых.

8

Перевод со словацкого

1897 г., март

Сегодня мать Черткова¹⁰ рассказывала мне о том, как к ней пришел Толстой, которого она ненавидела, о котором не могла хладнокровно слышать за то, что он «совратил», как она выражается, ее сына (в глубине души она, несомненно, и теперь к нему иначе не относится).

— Когда лакей доложил, что меня хотел видеть Толстой, и, не застав дома, сказал, что придет завтра, меня всю передернуло, и во мне против него поднялась злоба, всю меня переполнившая. Спустя некоторое время пришла моя приятельница, которой я рассказала, что за гостя буду принимать завтра у себя в доме и что я чувствую по отношению к нему. Я называю себя христианкой, а полна ненависти к нему. «Правда ли я?» — спросила я свою приятельницу.

Когда она ушла, я долго, до поздней ночи на коленях молилась богу, прося его, чтобы он избавил меня от злого чувства. Но напрасно я молилась. В душе моей ничто не изменилось, я чувствовала к нему прежнюю ненависть. Потом как будто мне кто-то шепнул слова псалма: «Перед господом стоят, перед господом падают»¹¹. Это меня немного успокоило. Я заснула. Утром я проснулась спокойной, гнева во мне не было. Я чувствовала, что спаситель победил. Я благодарила его за это в своей молитве и потом в таком состоянии стала ждать прихода Толстого.

* Слово недоумевающим написано по-русски.

** Слова на лопате подается написаны по-русски.

Он вошел весь растроган *, говорить не мог, борода у него тряслась. — Я бы желал од... но... го, чтоб у вас... не было... ко мне... чувства злости **... сказал он, и слезы показались у него на глазах.

Я ему ответила, что сегодня у меня нет того чувства ***, но что вчера бы я его не могла принять так, как сегодня. Я молилась спасителю, и он победил во мне. Победа на стороне спасителя! **** Он, Толстой, меня выслушал и сказал мне, что это как раз то, что нужно. Потом он мне сказал:

— Я и сын ваш сходимся в том, что оба ищем правду, и ни о каком влиянии ***** здесь между нами не может быть и речи.

— Простите, граф, но это не так, хотя я хорошо знаю, что в моем сыне самостоятельно началась внутренняя перемена. Но теперь вы безусловно на него влияете, к тому же вы старше, умнее и опытнее.

Черткова прерывала свою речь, так как к нам в комнату все время входил то один, то другой, и, мне кажется, всего недосказала. Она заметила в заключение, что «потом они стали вести между собой обычный спокойный разговор».

Черткова явно ни тогда, ни теперь не понимала, с каким искренним и пламенным желанием сблизиться с ней душевно приходил к ней Толстой. Когда он плакал, то ему, несомненно, было жаль ее, жаль, что она закрывает свою душу перед богом, нашим общим отцом. Когда он плакал, то несомненно любил ее в ту минуту, а когда переменял тон и перешел к обычной беседе, то сделал это, вероятно, потому, что почувствовал, что она не идет ему навстречу, не идет по тому пути, на котором мы все должны сблизиться.

Примерно месяц тому назад в Петербурге в тот самый день, когда он говорил с Чертковой, мне об этой же встрече рассказывал сам Толстой. Шел я тогда с ним по улице. Помню только, что он говорил о Чертковой:

— Какая она жестокая, неприступная!.. Был у меня с нею такой тяжелый разговор! И этот фальшивый патос ¹², как тяжело его слышать, когда говорят люди про то, что самое святое *****.

9

Перевод с немецкого

Как-то, воспользовавшись случаем, я рассказал Толстому, что совершенно иначе воспринимал его романы, чем их обычно воспринимают, я сказал, что для меня его дальнейшее развитие, его философские труды, его религиозные воззрения не являются чем-то неожиданным, а скорее логическим выводом из первых. Художник и мыслитель в нем нераздельны. И меня всякий раз удивляло, когда я читал у критиков, будто Толстой совершенно изменился, будто он стал другим.

Толстой слушал меня с напряженным интересом, был даже растроган. «Да, вы правы, вы это правильно почувствовали», — сказал он. И, с минуту помолчав, после глубокого раздумья с грустью добавил: «Почему так бывает, что одни легко понимают это, а другие никак не могут понять?» И его глаза при этом стали влажными и заблестели от слез. У меня сло-

* весь растроган написано по-русски.

** Слова Толстого написаны по-русски.

*** Слово чувства написано по-русски.

**** Слова Победа на стороне спасителя написаны по-русски.

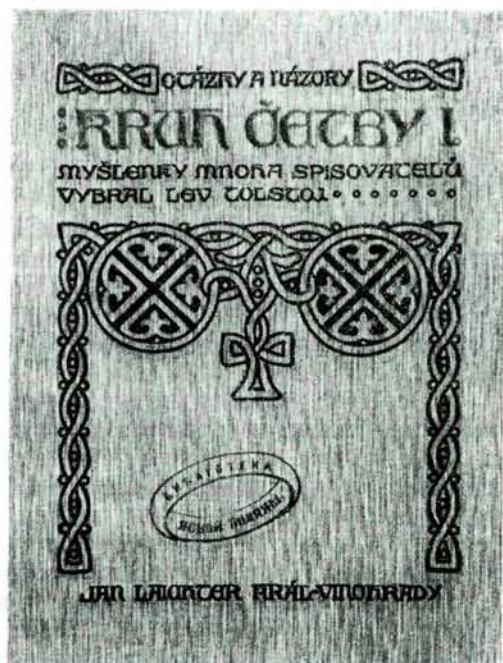
***** Слово влиянии написано по-русски.

***** Слова Толстого написаны по-русски.

«КРУГ ЧТЕНИЯ». ЧЕШСКОЕ ИЗДАНИЕ
В ПЕРЕВОДЕ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА
и др. (Прага, 1906).

Обложка т. 1.

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба
«Ясная Поляна»

жилося впечатление, что он думал при этом о своих близких, особенно о сыновьях, которые духовно были так далеки от него, совершенно его не понимали и были, очевидно, глухи и слепы к тому великому чуду, которое в течение многих лет поминутно совершалось в их непосредственной близости.

Я вспоминаю, как в другом случае Толстой по поводу этого заметил: «Вы мне гораздо ближе, чем мои собственные дети»¹³.

10

Перевод со словацкого

7.II, после завтрака

Какой фатальной неудачей было для Толстого, что при его жизни не нашлось в его окружении человека, который был бы, с одной стороны, в достаточной мере глубоким и в духовном и в религиозном отношении и разбирался бы во всех оттенках всего духовного и мудрого в нем, а, с другой стороны, — был бы в достаточной мере художником для того, чтобы правильно схватить всю красоту и все интересное, чем был наполнен каждый день и даже каждая минута этого редкого, беспрецедентного в истории человечества великого гения! Люди же, находившиеся подле Толстого, это по большей части либо бесцветные, односторонние, фанатичные толстовцы, либо доктринеры. Они, как рой мух, окружали его. Либо это люди умные, но совершенно лишенные религиозного чувства. Приходили к Толстому и деятели искусства, от которых в этом смысле можно было бы больше всего ожидать и которыми сам Толстой, несмотря на все, больше всего интересовался, однако эти деятели искусства не были достаточно крупными и были слишком заняты собой, так что не могли серьезно посвятить свой талант собрату. А жаль, что этого не сделали, очень жаль!

Но почти всех без исключения этих деятелей искусства раздражало у Толстого то весьма многое, чего они совсем в нем не понимали и считали крайним заблуждением большого художника!

11

Перевод со словацкого

Н(или Нижний, или Новый) Смоковец.
20 декабря 1925 г.

Дикость — вещь восхитительная и очень редкая. Все, что гениально, — дико, стихийно, своеобразно, кристально чистое, как гранит, как алмаз, который переживет культуры и века. Потом подумал я о моем покойном старике из Ясной. В нем была неукротимая дикая сила. Он не боялся один востать против всего мира, потряс и разбил основы лжи! Подлинный неистовый лев мира!

Вкус Толстого — вкус гениального художника. Толстой и на поприще искусства любил изображать дикость. В глубокой старости, так сказать на краю могилы, он написал своего Хаджи-Мурата, где показал кавказский татарник, героя-дикаря. Написал «Живой труп» со своим милым неудачником диким Федей, написал шедевр, не имеющий равного в мировой литературе, — повесть «Корней Васильев», в которой показал самородка, неукротимого Корнея и его прекрасную смерть.

Из круга своих приверженцев он никого не нашел достойным изображения. Почему? Да потому что они были искусственными плодами, а не прирожденными и естественными героями духа, каким был он сам и какими он мечтал их видеть.

12

Перевод с немецкого

Широко распространено мнение, что Толстой — аскет, человек мрачный, чуждый жизни, не понимающий ее радостей. Жесточайшая ошибка! Ничто так не далеко от истины! Толстой подлинно наслаждается жизнью, и редко кто так умеет это делать, как он. Он наслаждается всеми чувствами, насколько не прячась от других. Он любит каждый звук в природе, все ее картины, цветы. Он любит музыку, любит пение, веселые игры в комнате и на лоне природы. Он привлекает общество веселыми рассказами, анекдотами. Бегаёт, посадив детей верхом себе на плечи. Систематически ходит пешком и ездит верхом, совершает пешие прогулки в такие места и в такое время, каких никто и никогда не делает. Ходит ночью в лес, ежедневно купается, собирает ягоды и грибы. Строит свою жизнь многогранно и интересно. Любит животных, особенно собак и лошадей, и превосходный знаток лошадей. Он великолепный наездник. Испытываешь восхищение, глядя как он вскакивает на горячего ворового жеребца. Да, он наслаждается жизнью и не только ее внутренней духовной стороной, этого никто не оспаривает, но также и ее внешними проявлениями. Но только он делает это разумно, по-настоящему, подходит ко всему с благородной, чистой стороны.

Как он рассказывал в комнате Марии Львовны молодежи историю Жилина!¹⁴ Конечно, он обворожителен в обращении с людьми! К каждому у него свой подход, а не один святой шаблон для всех. Он умеет с каждым разговаривать так, чтобы тому было интересно, умеет понять человека часто лучше, чем тот сам себя понимает. Присутствуя при этом, часто кажется, словно ты наблюдаешь чудо природы, так умеет он раскрыть жизнь, распутать запутанное, осветить темное. Ему удавалось создавать вокруг себя атмосферу святости. Он воодушевлял, настраивал на возвышенный лад. Все лучшее при этом пробуждалось в человеке. Хотя, как я уже

сказал, лично мы были далеки друг другу, и в наших отношениях чувствовалась известная натянутость, и я совсем не был с ним так близок, как другие, и критически присматривался к нему, тем не менее в течение тех немногих дней, которые я провел у него, я так к нему привязался, что у меня сердце просто разрывалось от боли, когда мне нужно было уезжать.

Рассказать, как было в тот вечер, когда была музыка*.

13

Перевод со словацкого

Как чехов и «соколов»¹⁵ вас безусловно будут занимать мои воспоминания о том интересе, который Толстой проявлял к спорту.

Толстой с молодых лет занимался культурой тела. Было это заложено в нем как у прирожденного аристократа, с детства, и в течение всей своей жизни он никогда не переставал заниматься всякими видами спорта, несмотря на то, что, как известно из его сочинений, он часто каялся в этом и стыдился этого, когда его, например, еще молодого помещика, рано утром застал поднимающим тяжелые гири пришедший к нему с докладом староста. Не было, вероятно, ни одного дня, чтобы он не занимался спортом.

В первое утро, которое я провел в Ясной, он после завтрака побежал к турнику и, помню, на моих глазах сделал легко и грациозно несколько хороших велл. Я был поражен: нечто подобное я видел только у молодых гимнастов и никогда не ожидал от старика.

Летом, по утрам, поднявшись с постели, он прежде всего выносил за собой ведро, потом в одиночестве молился и затем в халате один, а еще с большим удовольствием вместе с кем-нибудь спешил к пруду выкупаться. Плавал он прекрасно и выглядел со своей длинной седой бородой, со своими сильными взмахами рук по зеленой заросшей ряской воде, как старец Нептун.

Он любил иногда и щегольнуть своей физической силой и ловкостью в особенности перед хилыми жителями столиц, к которым всегда относился слегка презрительно.

Рассказывали о визите в Ясную Ломброзо¹⁶. Лев Толстой не любил его, не нравилась ему, думаю, главным образом, теория дегенеративной наследственности и еще больше, вероятно, его утверждение, что гений — явление болезненное, вид сумасшествия. Толстой, насколько я знаю, считал Ломброзо тупым ученым, как и большинство его коллег. Толстой будто бы довольно резко дал Ломброзо почувствовать это во время разговора с ним¹⁷. Толстой, такой осторожный и деликатный, когда дело касалось его собственных взглядов, в важных вопросах умел быть беспощадным и резким. В особенности не любил он людей с большим самомнением.

14

Перевод со словацкого

При всей своей серьезности Лев Николаевич любил иногда пошутить и с удовольствием играл с детьми. Раз мы ожидали у шлагбаума поезд, который должен был здесь пройти. Бешено, безудержно приближался скорый поезд, и когда он был от нас на расстоянии всего нескольких метров, Лев Николаевич перебежал через рельсы. Мы все думали, что его уже нет в живых, а когда поезд прошел, мы увидели Льва Николаевича, который, стоя на другой стороне железнодорожного пути, смеялся и кивал нам. Черткову эта шутка очень не понравилась.

* Последняя строка приписана по-словацки. Шкарван, по-видимому, отметил, что следует описать вечер, когда Мария Львовна плясала русскую (см. отрывок 4).

«ОТЕЦ СЕРГИЙ»

Гравюра чешского художника Карела Штеха

Из книги: L. N. Tolstoj. Otec Sergěj

Č. Budějovice, 1946

15

Перевод со словацкого

Жил я в Ясной Поляне целый месяц и удивлялся, как и когда он находил время писать. На спорт, на гостей, на разговоры с мужиками, на прогулки — на все у него хватало времени.

16

Перевод со словацкого

Толстой во всем выделялся среди других и умел сразу взять от других все хорошее. Он был бережливым, хозяйственным среди расточительных русских. В этом отношении он восторгался немцами, их бережливостью и скромностью. Хвалил, например, их рюкзаки, хотя мотивы, которые руководили их бережливостью и скромностью, едва ли одобрял. Он не выискивал в людях их слабые и плохие стороны, как это в большинстве своем делаем мы. Он выискивал в людях все, что в них есть хорошего и красивого, а это было безусловно более мудро и более интересно. Он в каждом вылавливал все хорошее, и когда из глубины души человека ему удавалось извлечь жемчужинку, она его радовала. В Москве * у него были практичные лампы,

* По-видимому, пропущено: и в Ясной Поляне.

одна из которых освещала и оживляла его маленькую рабочую комнатку, а на другой он мог также и варить¹⁸. Он варил на ней чай и даже кашу-овсянку! Он любил этим заниматься, в особенности осенью, когда вся семья переселялась в Москву, а он один с несколькими друзьями оставался в Ясной. Большею частью с ним оставались тогда Попов¹⁹ и спившийся капитан²⁰. Тогда он сам и дрова носил, они сами их кололи, сами носили воду и т. п. Толстой очень любил это время.

Он был внимателен к людям; никогда я не слышал, чтобы он кого-нибудь высмеивал <...>*

Он любил помериться силами и пошутить над сильными мира сего, занимающими высокие посты. Таких он не раз затрагивал за живое, но маленького слабого человека не обижал, а относился к нему нежно.

Как раз тогда он расспрашивал о некоторых французских писателях и художниках, вспомнил также Мопассана, которого он очень высоко ценил как художника и которого горячо любил.

«ОТЕЦ СЕРГИЙ»

Гравюра чешского художника
Карела Штеха

Из книги: L. N. Tolstoj.
Otec Sergej. C. Budejovice, 1946

* Далее следует рассказ о посещении Толстого обфранцузенным русским. Эпизод подробно изложен в отрывке 6.

— Ах, какой он был чудный человек и великий художник. Знаете ли вы, господа, его* m-lle Perle,—спросил он нас и вкратце рассказал содержание этого рассказа<...>**

Рядом с Толстым каждый день, каждый час и каждая минута были интересны, что, впрочем, вполне естественно. Ведь это была жизнь мудреца и великана-художника, первоклассного художника в искусстве и художника в жизни. Здесь жизнь должна была быть прекрасной и интересной. Все, что он говорил, все что он делал, даже самые мелочи, которые каждый из нас делает, он делал иначе, они имели у него особое значение, все это было как-то правильнее, глубже, чем это бывает обыкновенно. Он рассказывал о собаке, как слушал ее вой, рассказывал о цветах и грибах, которые он собирал, о лошади, о нищем, о сумасшедшем. Он всегда выискивал самую сущность вещи. Раз шли мы с ним в Москве в баню, и дорогой зашла речь о том, в какой класс нам идти — в первый или во второй. Одни были за первый, другие за второй. Спросили его, он ответил: «У меня обе чашки весов одинаково весят — в первый или во второй пойдем, всюду хорошо».

Или нужно было ему идти из Денишек²¹ в Ясную, и возник вопрос — надо ли его провожать или он пойдет один. Он сказал: «Мне и с вами хорошо, и одному хорошо...» ***

И это никогда не были пустые, формальные фразы. Ему действительно было хорошо и интересно ****, так как сам он был такой хороший и интересный ***** , и как в сказке, все, к чему только он ни прикасался, все превращалось в золото.

Поразительна ***** была его чуткость ***** . Он сразу понимал, сразу чувствовал, что в другом происходит, у кого что болит, от чего кто страдает. А память у него была огромная, он помнил все подробности, которые раз услышал. Чувствовал ложь и неправду, и мне плохо пришлось, когда однажды он поймал меня на лжи.

17

Подлинник по-русски

Меня поражало у Льва Николаевича его горячее, живое, неподдельное сочувствие к людям, его живой интерес к судьбе всякого, иногда к кажущимся мелочам. Это что-то совсем особенное в нем. Многие из нас способны сочувствовать людям, испытывать сострадание, чутко почувствовать горе другого, когда оно особенно велико, но Лев Николаевич интересуется судьбой другого и тогда, когда все другие равнодушны к нему и ничего в ближнем не подозревают, именно тогда он умеет подходить к человеку и выжимать из него то, что он сам, быть может, только смутно чувствовал в себе. Бывало иногда в свободный промежуток какой-нибудь обыкновенной беседы он вдруг посмотрит на кого-нибудь сбоку сидящего, глаза у него зажигаются и таким wehmütig***** голосом, так ласково он спросит его: «А что вам, Иван Петрович? Вам скучно у нас? Вы какой-то грустный».

* Слова Толстого написаны по-русски.

** Подробнее об этом см. в отрывке 6.

*** Слова Толстого написаны по-русски.

**** Слова хорошо и интересно написаны по-русски.

***** Слова хороший и интересный написаны по-русски.

***** Слово поразительна написано по-русски.

***** Слово чуткость написано по-русски.

***** грустным (нем.)

Или, как он сам рассказал, идет он поздно ночью, когда все огни в деревне уже потушены, мимо одного дома, в котором светится огонь, заглядывает в окошко и смотрит, что там грешная старушка, одна-одинешенька, среди поздней ночи делает. Лев Николаевич не смотрит туда, как мы с вами смотрели бы, по любопытству, а ему хочется в эту сокром <ную> * минуту в душу заглянуть человеку, и он заглядывает и видит то, чего тысячи других заглядывающих не видели бы.

Эта удивительная тонкость работы его духа создает кругом него, для тех у кого глаза для того, чтобы видеть, уши для того, чтобы слышать, особенную, истинно священную атмосферу, которой, к сожалению, окружающие его, даже «друзья», так мало умели пользоваться. Они, большинство их, постоянно, как варвары, нарушали эту святую тайну своими тысячами расспросов, а он, как лекарь, всегда готовый оставить свое, всем был к услугам, хотя бы как скучны и прозаичны <ни> были ему беды валивших к нему пациентов.

Этим своим внимательным отношением к людям, большинству которых этого никогда не доставалось, он вызывал в собеседниках самое лучшее, и многие при нем от этого прямо переменялись, люди, обычно угрюмые, раздражительные, невоспитанные, часто делались в его присутствии неузнаваемыми. Так и многие толстовцы.

18

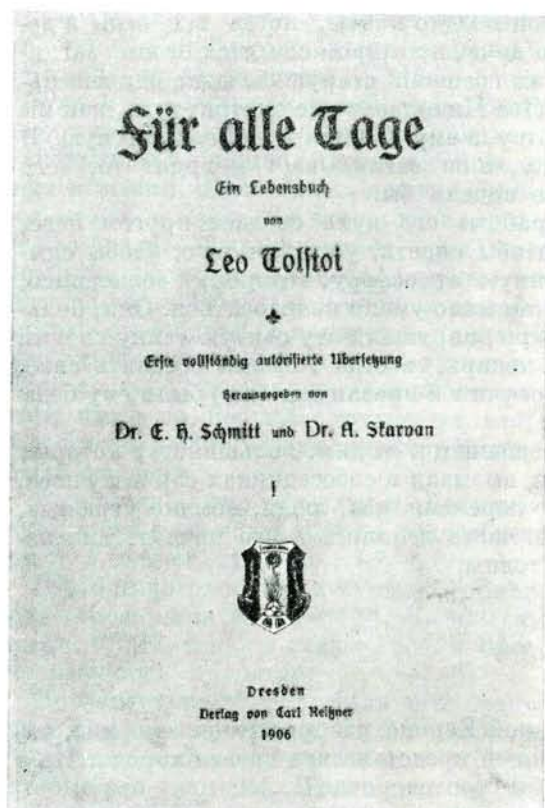
Перевод с немецкого

В России, так же, как в Западной Европе, распространено мнение, что Толстой — настоящий и законченный представитель своего народа. Но я под этим мнением не подписался бы безоговорочно <...>

У Толстого нет ничего резкого, ничего торопливого в характере, он очень тактичен и корректен; при всей своей щедрости — бережлив, даже для немца очень бережлив. Он дошел в этом даже до того, что, будучи на Кавказе, для того чтобы покрыть свои карточные долги, он, артиллерийский офицер и знатный аристократ, в течение продолжительного времени, как сообщают его биографы, ограничил свои расходы пятью рублями в месяц. Любую вещь, которая в какой-то степени еще могла быть полезна, он прятал для себя или для других. Мне случалось даже видеть, как он поднимал с пола обрывки бечевки, аккуратно сматывал их и убирал. Этого не делает ни один русский, пока у него в кармане есть хоть десять копеек. Правда, некоторые из его русских последователей ему в этом подражали, но именно только подражали, а дух расточительности проявлялся у них при этом в другом. Толстой даже любит порядок, правда, не как педант, но несомненно любит чистоту и порядок; беспорядочность, в которой его земляки часто доходят до виртуозности, совершенно ему чужда. Правда, в его произведениях встречаются места, из которых можно заключить обратное. И однажды я слышал от него самого, что он никогда не гонялся за опрятностью. Большинство его приверженцев именно на основании его доктрины поставили себе за высшее правило христианского поведения пренебрегать опрятностью и порядком и выглядеть по возможности неряшливее.

Но я полагаю, что и в данном случае, как и во многих других, происходит большое недоразумение. Толстой проповедует в духе Христа и всех учителей человечества, звавших к спасению мира, крайнюю бедность и самоограничение, т. е. он полагает, что человек, направляющий стопы

* Вероятно, от словацкого слова *súkromný* — интимную, сокровенную.

«НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ». ПЕРВОЕ
НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ
В ПЕРЕВОДЕ Э. Х. ШМИТА
И АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА, Т. I
(ДРЕЗДЕН, 1906)

Титульный лист

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

свои к богу, должен быть налегке и брать поменьше багажа с собой, а еще лучше вовсе не брать никакого багажа, чтобы как можно быстрее и беспрепятственнее идти по пути божьему. Эти же господа, вопреки тому, в чем они хотят убедить себя и других, совсем не спешат к богу. Они облачаются в одежды Сократа, а внутренне несколько на него не похожи.

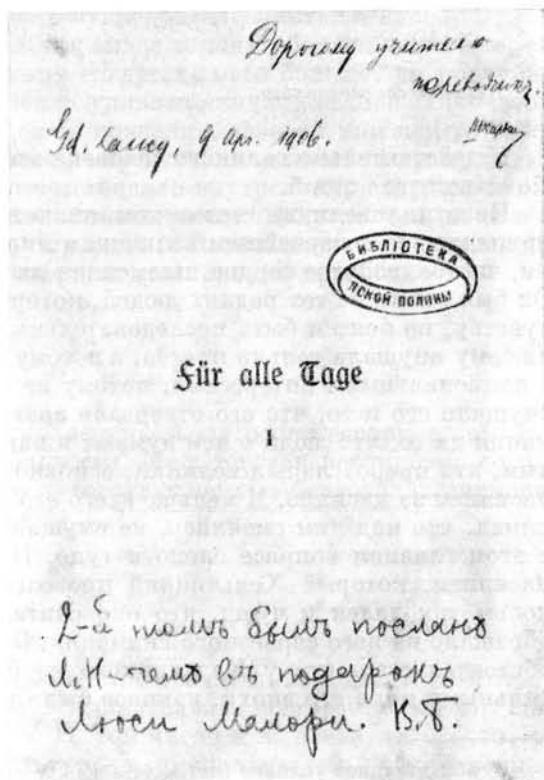
Я убедился также, что Толстой очень пунктуален. Он, как англичанин, отвечает сам или поручает кому-нибудь ответить на каждое письмо, чего русские никогда не делают <...> Я скорее присоединяюсь к тем, кто его называет великой и подлинной славянской душой, чем к тем, кто считает его истинным представителем русского начала. С первыми я вполне согласен <...> (Его покойная дочь Мария, его любимица, своим духовным обликом очень на него походила.) Он был искренен и откровенен, как дитя, и душа его была ясна, как кристальная вода горного ручья. Глубоко ошибаются те, кто в его взгляде обнаруживал какие-то искры лукавства. Это совершенно не соответствует истине и проистекает из грубой ошибки. Правда, этот великий знаток людей испытующе и быть может даже подозрительно рассматривает каждого, кого видит впервые, выискивая, не прячется ли дьявол где-то в тайных складках его сердца; так он поступал, разумеется, со многими, и кое-кому это, разумеется, могло быть неприятно и могло дать повод к вышеупомянутому мнению.

Дьявол не ускользал от его пытливого взгляда, даже если откуда-нибудь выглядывал один только его волосок.

Перевод со словацкого

Среди словаков распространено ложное представление о христианском (они неправильно говорят: толстовском) принципе непротivления злу. Наши словаки, желая раз и навсегда опровергнуть Толстого, в качестве безапелляционного аргумента приводят: «Ага! ведь Толстой проповедовал непротivление злу, а это значит бездейственное прозябание, пассивность, равнодушие по отношению к злу», — одним словом, нечто настолько явно глупое, о чем им, людям умным, не пристало и спорить. Эти люди сами сочинений Толстого не читали, а если кое-что и читали, то поверхностно, не углубляясь в его произведения, не понимая их, считая, что им этого и читать не нужно, ибо абсурдность этого толстовского учения им объяснил такой большой человек, как Гурбан Ваянский, который не раз с пеной у рта разъяснял им это на столбцах словацких журналов. А Гурбан Ваянский объяснял им это в самом абсурдном смысле, потому что критикой Толстого был затронут за живое (*gekränkt*), глубоко задет в своем самолюбии и самомнении, оскорблен (*beleidigt*), чего никогда не мог простить Толстому, а потому не пропускал случая, чтобы не оклеветать и не забросать грязью подлинного великана, и перед неосведомленной публикой это ему легко удавалось²².

В действительности же, дело в том, что Толстой никогда не проповедовал такого грубого непротivления злу, того непротivления, которое ему бесчестно хочет приписать Ваянский, а вместе с ним и другие. Толстой отвергал в борьбе со злом всего мира единственно *протivление злу насилием*, не признавал *насилия* как средства, считая его неразумным, нечеловечным и не достигающим успеха. Все иные пути протivления злу, которые

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АЛЬБЕРТА ШКАРВАНА НА ПЕРВОМ НЕМЕЦКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ «НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

(Für alle Tage. Ein Lebensbuch von Leo Tolstoi. Dresden, 1906):

«Дорогому учителю переводчик. Шкарван. Б. Ланси. 9 апр. 1906»

Внизу помета рукою В. Ф. Булгакова

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

являются разумными и моральными, он безусловно признавал, и сам, как никто другой, в течение всей своей жизни воевал и боролся с господствующим злом всевозможными средствами, боролся, как лютей лев, потому-то так и боялись его все принадлежащие к власти имущим, все, чье несправедливое господство под его ударами стало рушиться и будет продолжать рушиться. Толстой учил, что зло нельзя уничтожить злом, черта нельзя выгнать Вельзевулом, нельзя устранить кривду насилем, т. е. кривдой другого рода. Толстой не только не призывал смотреть со сложенными руками на господство зла на земле, но, наоборот, учил, что нужно всеми средствами бороться против господствующего зла, всеми средствами, но только не насилем, так как насилие нельзя сломить насилем и с помощью насилия — оно и дальше будет продолжать существовать, только в новой форме. Надо отказаться от насилия, не прибегать к нему, отвыкнуть от него, убить в себе все побуждения гнева, злобы и мести, воскресить в себе дух милосердия и любви, т. е. заменить старый, бездейственный языческий принцип противления злу насилем самым могучим и единым принципом, который фактически, а не только по видимости имеет действительную силу. Насилие и месть он отвергал решительно и последовательно как средства безуспешные, бесполезные и варварские, которыми искони веков хотят, но не могут помочь и не помогают утопающему в бедствиях миру. Как нельзя грязной, покрытой сажей щеткой вычистить платье, так нельзя насилем исправить мир. Новый, твердый, основательный порядок мира настанет только тогда и при том условии, если мы в принципе будем отвергать насилие и в практической жизни вместо этого будем прощать, что является делом очень нелегким, так как требует большого духовного напряжения и силы. Только если мы так изменимся, тогда только мы будем в состоянии строить новое желанное жилище царства божия на земле!

20

Перевод со словацкого

29 января 1920 г.

У действительно великого человека всегда чистый характер. Это *conditio sine qua non* *.

Поистине великим человеком является Хельчицкий²³. Хельчицкий принадлежит к первейшим величинам мирового значения. Трезвый ясный ум, чистое, золотое сердце, пламенная любовь к богу. Таков Хельчицкий. Он был одним из тех редких людей, которые, будучи преданы своей идее и чувству, не боялись быть последовательными до конца. Подлинное уважение ему внушала только *правда*, а потому он не считался ни с частными, ни с национальными интересами, потому не знал страха; равным образом не смущало его и то, что его отвергали враги и друзья. Он не обращал внимания на то, что люди о нем думают и как о нем судят. Он был единственным, кто провозглашал великий, основной принцип Христа — не платить насилем за насилие. И меньше всего его смущало то, что никто его не понимал, что над ним смеялись, не смущало его и то, что все человечество в этом главном вопросе слепо и тупо. Принцип непротивления насилию насилем, который Хельчицкий провозглашал, был суровому средневековью так далек и чужд, что оно считало его наивным и грубым и не обращало на него серьезного внимания. Этим объясняется и то непонятное обстоятельство, что у Хельчицкого не было серьезного столкновения с сильными мира его эпохи, каковое было у его современника Гуса, не раз-

* обязательное условие (лат.).

делявшего этого принципа. Последний был как враг католической церкви сожжен на костре. Прошло со времени Хельчицкого больше пятисот лет, мир почти совсем забыл о Хельчицком и о провозглашенном им принципе непротivления. До сегодняшнего дня люди строят свою жизнь в современных республиках на принципах насилия, именно так, как это было при турецком и русском самодержавии. В этом отношении люди остались прежними. Лишь служа правде, народ может быть свободным и счастливым. «Только правда вас спасет».

По прошествии пятисот лет появился другой славянский гений — Толстой.

Они указали нам направление, по которому мы должны следовать, чтобы развивать нашу культуру для сохранения себя самих и оказывать помощь и сотрудничество всему миру.

Пусть тебя не смущает то, что правда божия исчезает у тебя перед глазами. Ты выдержи только и дальше, оставаясь на своем месте, она в но вой красоте снова явится тебе.

21

Подлинник по-русски

Мы все одинаково понимаем что $2 \times 2 = 4$, что $10 \times 10 = 100$, но не одинаково видим одну и ту же синеву неба, закат солнца, росу на траве, разное (разностепенно) понимают люди художественные произведения музыки, поэзии, живописи, выражения мудрости. Тут мы видим и понимаем только настолько, насколько мы способны видеть и понимать, а не то — чтобы всякий видел и понимал то, чему художник, или философ, или мудрец дали выражение. Когда люди читают мудрость Лао-цзе, или Будды, или Христа, тогда все почти понимают меньше, чем сказано, потому, что души наши меньше, чем были души этих мудрецов. Но бывает и наоборот, т. е. так, что слушатель или наблюдатель видел и понял больше и глубже, чем было сказано или показано, потому что душа у него больше, ум поглубже.

Я помню, как бывал изумлен и удивлен, видя как Лев Николаевич иногда глубоко бывал тронут кем-то сказанной фразой или кем-то совершенным поступком, которые совсем не представляли ничего из ряда выдающегося и часто даже совсем не отвечали внутреннему содержанию говорившего или творящего, бывали лишены иногда искренности, пока я не понял, что его больше трогает то, что в нем (в Лье Николаевиче) самом при этом происходило, чем то, что совершал или говорил другой.

22

Подлинник по-русски

Так часто встречаю Льва Николаевича и так редко говорю с ним! Как это странно! Казалось бы нет близости. Меж тем так несомненно сознаю с ним тесное, прочное соединение, чувствую к нему любовь и благодарность.

Оригинал написал в Ржевске.

23

Перевод со словацкого

Я представлял себе Толстого жестким, мрачным, но в действительности нашел славного, милого человека. Удивительнее всего было то, что каждый с ним легко мог беседовать. В том числе и я, невзирая на то, что мы были люди различных культур, национальностей, общественного

положения и происхождения. В Ясной Поляне я играл пассивную роль, больше молчал и наблюдал, чем говорил. После трех дней моего пребывания в Ясной Поляне Толстой мне сказал: «Шкарван похож на моего брата: мудро наблюдает и ничего не делает. Это хорошее качество. Ведь и Тургенев говорил „Лучше ничего не делать, чем делать ничего“».

24

Подлинник по-русски

Я долго не знал, отчего это происходит во мне, что мне хорошо, легко, весело, радостно, мило, когда я играю и вожусь, например, с собачкой, хорошо и так же легко, радостно и мило, когда с детьми, часто точно так же и с разными людьми самого обыкновенного умственного и нравственного калибра, людьми, которые не думают и не занимаются возвышенными идеями и даже смеются над ними, вот с этими всеми мне часто и даже большей частью бывает приятное, легкое, простое, даже радостное общение, а с людьми «нашего» толстовского мировоззрения, с теми, с которыми, казалось бы, должно быть легче всего, ближе всего, милее всего, с этими людьми мне почти всегда бывало тяжело, неловко, неприятно, а часто, очень часто даже мучительно тяжело! И причина вот в чем: и собачка, и ребенок, и бонвивант — они все бывают натуральны, естественны, главное же, без лжи и лицемерия, они все такие, что ничего они про себя не воображают, ничем себя не считают, а уж вовсе не сливками общества или человечества, и поэтому с ними общение натуральное, правдивое, простое, хотя большей частью и поверхностное, несерьезное.

А к «друзьям», почти ко всем, именно к русским друзьям, было постоянно чувство, как будто стена холодная, стена страшная между нами, и чувство это только иногда исчезало на короткое время особенного подъема духовного. Обыкновенно я испытывал неловкость, желание извиниться, удрать от них, удрать и уши себе заткнуть, как от плохой фальшивой музыки. И как сильно я страдал иногда от них! Так сильно, как никогда не страдал от людей пустых и грубых. Соберутся «друзья» в беседке * или просто чай попить, отдельно от других людей, с сознанием, что вот мы единомышленники, друзья! Между ними и сам Толстой бывал. Все рады и любят, что собрались «свои», что идут между ними такие значительные и редкие разговоры, а у меня при этом как бы душа между двух досок попала, и ее давят, чуть не раздавят до смерти. Так бывало тяжело, что кажется вот-вот не выдержу дальше этого напряжения. А сказать им ничего не могу, почему мне мучительно. Да как сказать? Ведь я во всех взглядах тот же, как они все. А меж тем мне так между ними, как жертве инквизиционной среди инквизиторов.

Раз помню тоже так было, было это в Дёменках у Черткова. Был Лев Николаевич и многие другие. А меня среди них, от них, из-за них защемила эта тоска. Так страдал, так, что лучше бы мне сквозь землю провалиться. И Толстой, один Толстой из них видел мое страдание, и я видел по его лицу, что ему тоже стало тяжело, но тяжело за меня. Появл ли он меня в это время — этого не знаю и скорее имею основание думать, что не появля и объяснил себе меня как-нибудь по-своему. Но он среди беседки** следил за мною, бросал на меня быстрый свой пронизательный страдальческий спрашивающий взгляд. Мое страдание для него, должно быть, было очевидным, хотя, может быть, он и считал его недобрым страданием. У меня темнело перед глазами и невольно должен был временами глубоко дышать. И вдруг

* Вероятно Шкарван хотел сказать: для беседы.

** т. е. беседы.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ТОЛСТОМУ
НОМЕР ГОЛЛАНДСКОГО ЖУРНАЛА
«VREDE»

(1908, № 18, 20 августа)

Обложка

Личная библиотека Толстого.
Музей-усадьба «Ясная Поляна»

дверь открылась и вошел мужик с письмецом для меня от Марии Александровны ²⁴, что у ней корова заболела, просит меня сейчас приехать. Телега ждала на дворе. Какое у меня стало облегчение в этот момент. Точно большую операцию мне кончили делать. «Как приходит спасение всегда в нужный момент», — подумал, надел пальто и с облегченным сердцем вышел на двор и поехал. И как казалось чудесно на дворе, в полях в сравнении с тем, как было страшно там, в комнате среди друзей!

25

Перевод со словацкого

Так называемое общество и так называемая светская жизнь, где или для забавы, выпивки, танцев или хотя бы для общей беседы, а то по случаю какого-нибудь торжества собираются так называемые интеллигенты, дамы и господа, всегда, начиная с молодых лет и в течение всей моей жизни, были мне в высшей степени отвратительны и противны, казались неестественными, пошлыми, банальными, скучными, и я считал их аморальными...

Толстой — мудрый человек и как только он изменил к лучшему свои убеждения, то радикально и навсегда освободился от этих глупостей и никогда не искал никакого общества и нигде не выезжал, а принимал гостей у себя, однако и это его тяготило. Но он, мастер жизни, не оставался долго в тягостном для себя положении и удалялся. Когда это было бесцельно, он не растрчивал понапрасну свои силы с людьми и не терял даром времени, и когда было нужно, умел быть жестким. От докучливых людей он легко освобождался. Иногда, не говоря ни слова, он просто поворачи-

вался к человеку спиной и отходил. От любопытных, которые приходили к нему, как например, некая миссис, приехавшая прямо из Нью-Йорка только для того, чтобы посмотреть на него, или от наивного купца и других, он просто и быстро отделялся такими словами: «Я, что ли, Юлия Пастрана²⁵, что посмотреть на меня пришли?» или: «Ну, так смотрите же на меня: нос у меня посредине лица, два глаза по сторонам...» и т. п.

Помню, было это вечером в Москве, в просторной столовой; пришла разодетая посетительница графини, очень цирлих-манирлих и, проходя мимо нас к графине в ее салон, хотела, вероятно, задержаться и у хозяина дома, хотя бы только пожать ему руку и обменяться с ним общими фразами, что было видно и по ее лицу, и по губам, которые она открыла, чтобы заговорить. Но Толстой довольно нелюбезно посмотрел на нее, ни одним словом не приветствовал и не подал ей руки. — «Вот не люблю я такого рода пустых барынь» *. По всей вероятности, он хорошо знал ее и считал плохой подругой для своей жены. Но так резок Толстой бывал очень редко. Только в исключительных случаях он таким образом принимал людей. Обычно же он бывал к каждому приходящему приветлив, вежлив и внимателен, не только не желая никого оскорбить, но, будучи человеком с богатым внутренним миром, старался каждому хоть что-нибудь дать из своего богатого духовного царства на память, на добрую память о себе или, лучше сказать, на жизненный путь.

Неприятных, даже дерзких и всяческого рода неотесанных гостей бывало в Ясной Поляне очень много. И надо только удивляться такту и терпеливости не только Льва Николаевича, но также и графини, учитывая, какие толпы людей они принимали и провожали. Что говорить о Толстом? Толстой был христианин и джентльмен, родовитый аристократ, знаток целого человеческого поколения, ему было легко сортировать людей и знать, кого как принять. Для бедняжки графини посетители мужа, собственно говоря, были совершенно чужды и *ab ovo*** несимпатичны. Однако и она выказывала при приеме гостей большое самообладание и терпеливость и в этом отношении из желания угодить своему мужу была действительно *poble**** хозяйкой.

Приходили к ним в дом, кроме «своих людей», всякие высокопоставленные особы, знаменитые иностранцы, ученые и деятели искусства, выдающиеся журналисты, всякого рода знаменитости, пользующиеся мировой известностью, которых надо было принять и поселить более или менее *comme il faut*, по-барски.

26

Подлинник по-русски

1899 г.

Помню раз Толстой сказал, что для того чтобы любить другого человека, надо уметь вдумываться в его положение, надо уметь жить его же жизнью. Поэтому нужна к любви способность воображения. Может быть. Но наверное это не единственный путь к любви. Есть другие, а может быть лучше и более совершенные. Просто врожденная чуткость, например, человека может его моментально заставить настолько сожалеть другому и полюбить его, как вряд ли это может самая гениальная способность воображения, вдумывания себя в положение другого. Такой чуткости не нужно много соображать, не нужно долго и зорко изучать, а часто достаточно заметить один штрих в лице, один звук, чтобы сейчас же понять всю глубину чужого страдания, чужого горя и чтобы вызвать к нему самую горячую любовь.

* Слова Толстого написаны по-русски.

** с самого начала (лат.).

*** благородной (франц.).

Подлинник по-русски

В жизни и печати часто встречаются обвинения Толстого в том, что он часто невнимателен к своим посетителям, просьбы и жалобы их не выслушивает, употребляет людей только как объекты для своих художественных наблюдений, что просители мало интересуют его, что он не любит помогать людям. Сама графиня говорила при мне, что он употребляет людей, как лимоны, выжимает их, для того чтобы получить из них сок.

Конечно, в этом есть доля правды, но только не в том смысле, как это обыкновенно понимается, будто он так делал по нелюбви к людям, по скупости и скверности. Такое заключение относительно Толстого было бы совершенно неверно. Раньше, чем судить, нужно обратить внимание на совершенно особенные условия. Правда, что Толстой бывал сух и резок и невнимателен ко многим, но кто это были? Надо не забывать, что к нему огромной волной хлынули всякие персонажи, желая денежно для себя использовать его, приходили за деньгами проигравшиеся игроки, масса студентов, просивших денег для школ, для фортепиано. Суммы эти, если бы Лев Николаевич пожелал удовлетворить всех, достигали бы, как он сам это говорил, ежегодно миллионов рублей.

Да Толстой и не думал помогать людям деньгами, он ведь отрицает деньги, считает их злом, средством для поддержки рабства, как же обращаться-то к нему за деньгами? Да он и не имел денег, разве в самом ограниченном количестве, которые всегда раздавал всем тем, которые действительно нуждались, — вдовам, сиротам, *rohgelcom**, нищим и т. д.

Невнимателен, сух, даже резок он бывал, но только по отношению к людям, которые действительно заслуживали того: пустым, любопытным, наглым, лжецам и т. п., которых он большею частью разгадывал с первого взгляда и что иному свидетелю могло показаться совсем не так.

Я сам просил у него раз для себя деньги (рассказать когда и при каких обстоятельствах), и он отказал мне в них. Мне самому это было обидно, тем более, что я просил на том основании, что он сам *wiederholentlich* ** предлагал мне помощь. Отказал мне и другой еще раз, когда я просил для его же внучки, после смерти у нее ребенка очутившейся в очень затруднительном положении ²⁶.

Но глубже вникнув в дело, я сам понял, что он был прав: люди так или иначе всегда устроятся и часто в лучшую сторону, чем устроились бы с деньгами.

Нужно жить хорошо, в этом деле нужно помогать людям, вот настоящая нужная помощь, в которой Лев Николаевич никогда не отказывал. А филантропия — ложь, поддельный бумажный цветок добродетели, выросший на почве привилегированного разбоя. Толстой проповедовал уничтожение этой почвы, как же он мог на деле поддерживать ее? Эти дешевые эффекты ему были чужды.

Перевод с немецкого

Меня всегда удивляло, как часто Толстой давал себя вовлечь в ожесточеннейшие споры о различных религиозных и социальных вопросах с людьми, не только совершенно чуждыми, но даже враждебными его мировоззрению. В таких случаях мне бывало очень жаль его; и когда это начиналось,

* погорельцам (слов.).

** неоднократно (нем.).

всякий раз приходило на ум сравнение с каким-нибудь великим ученым, например, химиком, который стал бы спорить о тончайших предметах своей науки с неграмотными мужиками. Тому, кто никогда не обращал и не хочет обращать взор свой к царствию божиему, тому нельзя доказывать вещи, имеющие значение только в царствии божием. Правда, он сам всякий раз раскаивался в этом, но все же не переставал поступать по-прежнему. Мне кажется, что он часто по доброте своей переоценивал людей, или же это был обычный для русского недостаток — ведь все они, как известно, любят спорить.

29

Перевод со словацкого

27 ноября 1921 г.

Вчера перед сном читал неоконченную драму Льва Толстого «Свет и во тьме светит»²⁷, и ясно вспомнились мне разговоры Льва Николаевича, собственно говоря, споры и полемика его на религиозные темы с людьми, которым христианский дух в том смысле, как его понимал Толстой, был чужд. Был тот же самый тон, те же самые слова, та же самая форма, как в первом действии этой драмы. Толстой хотел повлиять на людей и направить их на правильный путь с помощью рациональных аргументов. Доводы Толстого бывали интересны и в общем правильны. Но я, вопреки всему, чувствовал при этом, что его слова действуют как об стену горох, и удивлялся, что такой мудрец и знаток человеческой души может заниматься бросанием гороха об стену. Для нерелигиозного человека ведь все рациональные доводы в пользу религии недействительны. Они действительны лишь для того, у кого для этого достаточно глубокая душа. У слушателей, с которыми Толстой вел спор, в большинстве случаев такой глубокой души не было. И на таких людей действовать и влиять следует прежде всего в ином направлении, а именно в том, чтобы они углубили свою душу. Это углубление души есть *conditio sine qua non* *.

30

Перевод со словацкого

Я удивлялся тому *доверию*, которое он оказывал людям, часто и таким, которые, как мне казалось, абсолютно этого доверия не заслуживали. Я не знал, как это объяснить. Я полагал, что или он мало знает людей, или они его подкупают тем, что на словах называют себя его сторонниками. Позднее я объяснил это иначе и думаю, что объяснил правильно. Этот человек наделен духовными дарами, *surchargé*, переполнен семенами добра, поэтому он не очень выбирает, где сеять эти семена и не очень исследует почву. Он шагает и шаг за шагом сеет. Мы, у которых семян мало, естественно, более хозяйственно расходуем их, выискиваем такое местечко, где это семя непременно взойдет.

(Übrigens hat er es einmal selbst gestanden **: «Мой недостаток, что я слишком увлекаюсь»... ***)

* обязательное условие (лат.).

** Впрочем, как-то он сам в этом признался (нем.).

*** Слова Толстого приведены по-русски.

31

Перевод со словацкого

Ах, его друзья! Вся эта большая «ватага»! Он вел себя очень хорошо по отношению к вам. А о них я даже не осмеливаюсь произнести свое суждение. Какими бы они там ни были, одно только ясно — по отношению к нему они были неделикатны, каждый из них хотел его поправлять; поучали его, бедняжки! Его друзья были для него сущим наказанием!

32

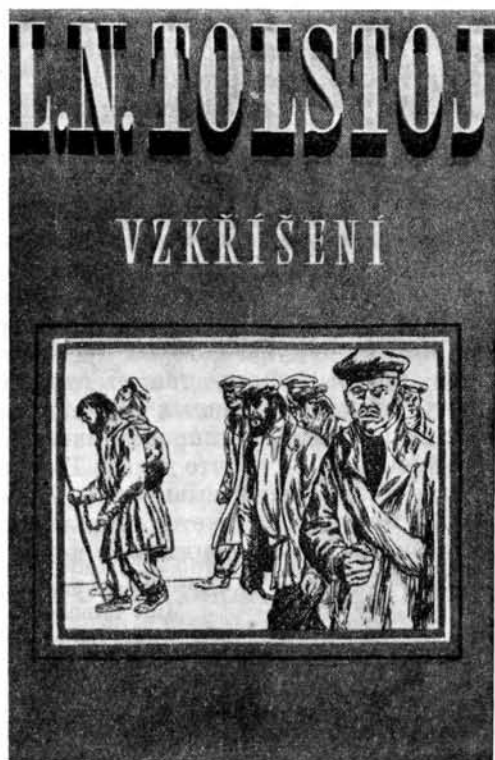
Перевод со словацкого

Рядом с Толстым и в сравнении с ним все его окружение, в том числе и лучшие из его приверженцев, были все же вульгарны, грубы, варвары, ведь он был таким тонким, благородным и глубоким.

33

Перевод со словацкого

Он был слишком любезным и деликатным, совершенно безоружным против различных действительно весьма сомнительного свойства людей, которые пробирались к нему. Тут у Толстого проявлялась чисто русская мягкость, на которую европеец, как мне кажется, не способен. Человек не должен пускать блох под рубашку. Может быть, здесь было стремление во что бы то ни стало проявить христианскую кротость, но это часто создавало для престарелого страдальца крайне тяжелую ситуацию. Так, мне рассказывал Дунаев²⁸, который был другом Толстого и был ему особенно

«ВОСКРЕСЕНИЕ». ЧЕШСКОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
(ПРАГА, 1951)

Художник Ян Яворский

Обложка

симпатичен, что раз Толстой косил луг вместе с неким Алехиным²⁹. Алехин был в мужицких отрепьях и лаптях. Алехины были два брата, оба ярые толстовцы, один из них кончил свою толстовскую карьеру тем, что открыл спиртной завод, который будто бы приносил хороший доход, другой брат поступил в монастырь, стал православным монахом. Братья Алехины принадлежали к большому числу тех приближенных несчастного Льва Николаевича, которые всегда лучше, чем он сам, знали, как ему следует жить, и постоянно его увещевали и во что бы то ни стало хотели заставить его исправить свои ошибки. Так было и на сенокосе. Алехин упрекал Толстого, зачем он живет с своей женой, говорил, что ему надо ее оставить, что он должен ее оставить, что этого требуют от него Евангелие и этого ждут от него люди. Отметим, что так, более или менее, думали все русские толстовцы, начиная с красного папы Черткова и до последней переписчицы *. Толстой защищался от алехинских нападков как только мог, до тех пор, пока не переполнилась его чаша терпения, и он, у которого тоже в жилах текла не вода, заревев, поднял косу и хотел зарубить своего противника. Толстой не зарубил шалопаю Алехина, коса у него выпала из рук, он упал на землю лицом ниц и заплакал навзрыд³⁰.

Вот такие друзья и последователи были у великого Толстого. Их была целая коллекция.

Это произошло года за два до моего приезда в Россию. Дунаев ничего не прикрасил и передавал всю эту историю со слов самого Алехина, который ее по горячим следам рассказывал товарищам, по всей вероятности, не без удовольствия: мол, вот какой он непротивленец! **

34

Перевод со словацкого

Толстой — страстный человек, первоклассный художник, святой, мудрец, все это сочеталось в одном лице. Его любовь к Софье Андреевне — прекрасна. Страстная, верная любовь в течение всей долгой жизни. Не знаю, умела ли Софья Андреевна должным образом оценить это. Он же безусловно ценил. Ему безусловно жаль было расстаться с этой любовью.

35

Перевод со словацкого

Большой ошибкой было бы думать, что именно те люди, которые прикнули к учению Толстого, являются самым лучшим элементом, что именно они являются людьми самыми благородными. Среди огромного большинства людей есть много таких, которые не дошли до сознательной духовной жизни, но душа которых представляет собою редкостные жемчужины, люди, которые иногда творят перед богом более заслуженные дела, чем тысяча забот, положенных некоторыми на распространение идей Толстого, или на раскрытие несправедливостей, совершаемых над духоворами.

(Одно дело — то, что делает Толстой, и совсем другое — то, что делают многие из его так называемых приверженцев!)

Дух божий проявляется настолько свободно, что об этом большинство религиозных людей и понятия не имеет. Ценные наблюдения сделал Петефи:

Czárdákban jobb sziveket láttam én már,
Mint minőket lát naponkint
Térdelni az oltár ***.

* Слово переписчицы написано по-русски.

** Текст от слова удовольствия написан по-русски.

*** А чистых сердцем между пьяных рож! Я видел больше, чем среди святош. (Ш. Петефи. Развалины корчмы. — Собр. соч., т. V. М., 1952, стр. 342. Перевод с венг. Б. Л. Пастернака.) — Шкарван цитирует Петефи не совсем точно. — *Ред.*

36

Перевод со словацкого

Люди не признают Толстого, потому что он не входит в рамки их жизни и в рамки всей цивилизации и культуры. Они не подозревают, что при выборе между рамкой и Толстым без всякого колебания надо выбрать Толстого, даже и в том случае, если бы потребовалось всю рамку выбросить, так как Толстой более ценен и более нужен.

37

Перевод со словацкого

13 декабря 1921 г.

Европа отвергла Толстого, что означает только одно, что она не хочет принять правду, не хочет или не знает, как отречься от своей фальшивой, псевдохристианской, в основе насильнической цивилизации. Но этой своей позицией по отношению к Толстому, если она не откажется от нее, она сама подпишет себе смертный приговор.

38

Перевод со словацкого

Уже когда я был в России, в толстовских кругах отмечалось и, мне кажется, что даже сам Лев Николаевич был одним из первых удивлен тем, что его идеи, которые всюду, у всех европейских и даже у некоторых азиатских народов имеют своих адептов, не имели их только у французов. В связи с этим фактом высказывалось мнение, что отсюда становится ясным, насколько французы поверхностны, несерьезны, что они вырождаются и т. п.

Но во мне (хорошо это помню) еще тогда все это вызывало возражение: нечего жалеть *, что французы не участвуют в вашем шаблонном и довольно бездарном движении. Французы — народ со вкусом, народ d'esprit **, народ гениальный, подождите, какое он поразительное, новое и свое скажет вдруг слово в унисон Льву Николаевичу! И действительно, сегодня французы далеко опередили весь христианский renaissance *** в лице милого Романа Роллана.

Но не удивительно, что первое движение среди русских вышло таким неудачным, им не хватало очень многого, чтобы действительно воспринять всю тонкость и глубину толстовского слова, и они были в этом отношении как <1 нрзб>, недоразвитые стебли травы под могучим столетним дубом. Непосредственно под могучими дубами жирные луга не бывают, и время и труд нужны, чтобы поспеть пшенице. Да и нужен талант, чтобы пробить себе дорогу. Невыпеченным печивом кормили публику. И еще говорили, как в таком случае говорят словаки: первого щенка бросают в воду.

39

Перевод со словацкого

Кем и чем является Достоевский, которого до сих пор люди так мало понимают? Достоевский — оригинальный и гениальный художник и не-

* Начиная со слов: нечего жалеть и далее до слов в следующем абзаце себе дорогу написано по-русски.

** умный (франц.).

*** возрождение (франц.).

обыкновенной силы и выразительности писатель, психолог, но с большими дефектами, настолько большими, что вообще под вопрос ставится все его величие, не мнимое ли оно.

Самому Достоевскому мало было быть только великим писателем-романистом, он хочет быть прежде всего христианским мудрецом.

Но он совсем не мудрец. Мудрец до конца продумывает и выясняет каждый тезис и ярким светом освещает каждую правду. Мудрец совершенно ясно разбирается в делах мира и в скрытой перед миром правде божьей. А у Достоевского моральной ясности и точности совершенно нет.

У него вы повсюду встречаетесь с непродуманностью, моральной и аморальной абракадаброй, хаосом.

Достоевский во всем остается поверхностным. Он смешивает и монашеское и даже официальное православие с христианством Христа. Как художник и психолог он преувеличивает темпы развития событий и часто в обрисовке характеров доходит до безумных крайностей. Достоевский не разбирается точно в моральных и психических правдах. У него допустимы такие абсурдные типы, как религиозные пьянчуги и святые или почти святые проститутки.

Достоевский часто не видит различия между грехом и добродетелью. Мало того, он даже никогда не считал достаточно важным до конца довести трезвое объективное изучение жизненных и душевных явлений. Он вообще не вылез из русофильства и именно не русского русофильства, а русофильства чужого, так как русофильство его — православное, патристическое, самодержавное. У него не было моральной смелости и силы объективно и строго проанализировать великие вопросы религии и государства. Великому художнику и мыслителю нельзя останавливаться на полпути, он должен продолжать свое исследование, не принимая во внимание временные и местные явления и интересы, он должен продолжать свое исследование, искать только голую правду. Достоевский, по-видимому, боялся выйти из круга дозволенных русско-европейских взглядов, что могло бы привести его к противоречию с самим собой и со всем миром, несмотря на то, что он как политический и социальный революционер когда-то стоял под виселицей и претерпел мучения в Сибири. Но огромная разница — быть социальным революционером-патриотом и революционером духа и правды!

Многие люди на одну доску ставят Достоевского с Толстым! Это грубое недоразумение, свидетельствующее о непонимании как того, так и другого. Когда люди смогут постичь настоящее значение Толстого, тогда они в состоянии будут измерить и высоту Достоевского и поразятся небольшим значением последнего.

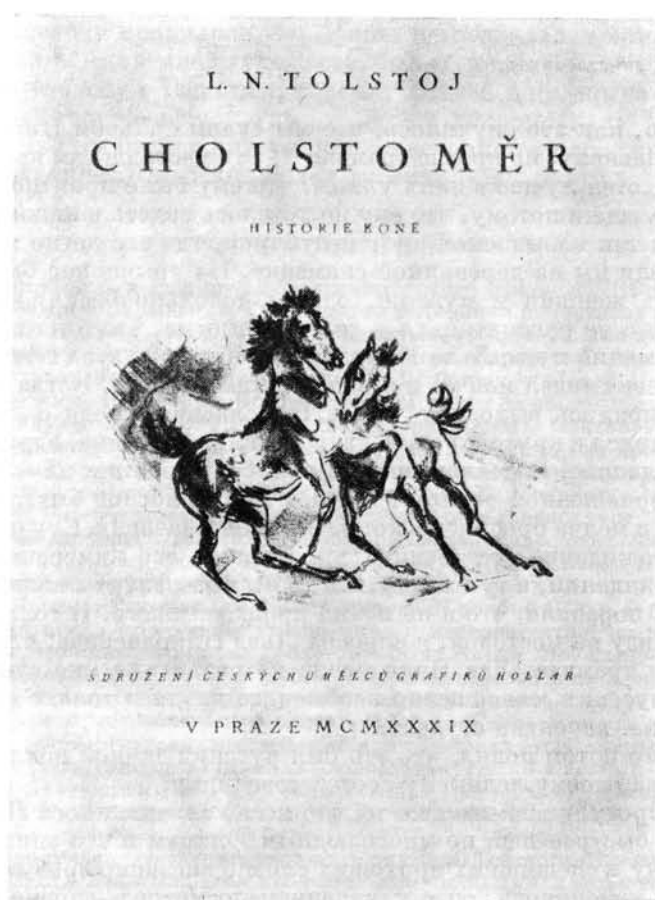
Толстой — великан духа. Толстой нанес смертельный удар остаткам старого, насильнического, псевдохристианского и фальшивого современного мира и прорубил врата в новую, свободную жизнь, в то время как Достоевский только чрезвычайно талантливый и интересный писатель, притом, во всем, что касается общечеловеческих вопросов, решений социальных и духовных проблем, писатель весьма отсталый, любопытный музейный экспонат, совсем не вождь и не мудрец. Люди все это со временем поймут. А пока что они лишь болтают об этом.

40

Перевод со словацкого

Достоевский — русский *par excellence* * и ничего больше. Он высоко возвысил себя как русского, но не поднялся над ним, остался и патриотом и православным, он и Христа русифицировал. Но, главное, по самой сути своей остался русским.

* прежде всего (франц.).

«ХОЛСТОМЕР». ЧЕШСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ (ПРАГА, 1939)

Художник Э. Котрба

Титульный лист

Толстой намного перерос рамки русского, эти широкие рамки были для него страшно узкими, он вырос в настоящего всечеловека, богочеловека. И это не только благодаря силе ума, широте своего мировоззрения, глубине своего сердца, вообще всей своей почти беспримерной genialности и духовной силе. Но из рамок русского он вырос так же благодаря практической жизненной мудрости, которая проявляется в самых повседневных и самых мелких вещах, в чем русские показывают себя просто варварами. Толстой к каждому предмету относился как к достижению человеческого труда, серьезно, с уважением. Ни одной веревочки легкомысленно и напрасно не выбрасывал. Ему было неприятно, если в доме напрасно горела свеча, разумеется, все это не из экономии, но из уважения к общему достоянию человечества, из сознания, что мы не имеем права расточительно и небрежно относиться к вещам, поскольку они так тяжело приобретаются, с таким трудом и потом создаются. Он первый из русских интеллигентов дошел до этого мудрого взгляда. В этом русские, повторяю, варвары.

Перевод со словацкого

7 февраля 1926 г.

Не помню, как это случилось, что мы ехали с Львом Николаевичем в Петербурге наверху, на крыше трамвая *. Это место он сам выбрал, думаю потому, что хотел лучше видеть улицы, что ему было приятно на воздухе, а может быть еще и потому, что ему не хотелось сидеть в нижнем закрытом вагоне среди так называемой чистой публики, где его легко могли бы узнать ³¹. Сидели мы на деревянной скамейке. На крыше нас было немного, человек пять женщин и мужчин, одетых довольно бедно, как рабочие. Я их подробно не рассматривал и только заметил, что и на нас никто не обращал внимания и что Льва Николаевича никто из этих людей не узнал. Лев Николаевич сидел молча, и я рядом с ним — тоже. Когда мы на одной из улиц собирались выходить и Лев Николаевич, сходя с крыши трамвая, приблизился к крутой, узкой, ведущей вниз лестнице, вдруг случилось нечто неожиданное. Сидевший напротив нас человек лет 25—30, высокий, бледный, в поношенном черном пальто, с молниеносной быстротой встал с своего места и молча бросился в ноги Льву Николаевичу. Случилось это так быстро и неожиданно, без всяких выдававших его намерение предварительных проявлений, в ту минуту, когда мы были заняты нашим уходом, и меня это так поразило, что я не понял произошедшего. И только когда мы уже были внизу на мостовой, я спросил Льва Николаевича, что собственно произошло в трамвае. Лев Николаевич не разъяснил мне сущности этого для нас, нерусских, совершенно необычного жеста и только сказал: «Мне это неприятно, вероятно студент...» **

И я только потом понял, что это был русский земной поклон неизвестного человека своему великому соотечественнику.

Об этой прогулке помню еще то, что после случившегося Лев Николаевич заметно быстрее шел по многолюдным улицам и что один из шедших нам навстречу и спешивших прохожих словно внезапно пробудился от сна, лицо у него изменилось, он с удивлением посмотрел, словно его осветил внутренний свет и, остолбенев на минуту, остановился и приятно пораженный посмотрел на Льва Николаевича и вслед ему. Но Лев Николаевич ни на кого не обращал внимания и пошел еще быстрее, как бы хотел исчезнуть от любопытных и незаметно слиться с общим движением улицы.

Так проводил я его к богатому особняку его товарища юности *** кн. Олсуфьева ³², выдающегося шахматиста и математика, с которым Лев Николаевич любил посидеть и поиграть в шахматы.

(В то время, когда я писал это воспоминание, я вспомнил, что это Чертков послал меня сопровождать Льва Николаевича к его «товарищу» ****.)

Подлинник по-русски

Не знаю как и почему именно я-то удостоился стать проводником Льва Николаевича при его посещении художников Репина и Ярошенка. Лев Николаевич любил всякое искусство, а Репина он ценил особенно высоко из-за его великого таланта и тоже из-за его демократического революционного, антицерковного, антигосударственного направления.

* Шкарван всюду в этом отрывке дневника называет конку — трамваем. В то время (1897 г.) в Петербурге трамвая еще не было.

** Слова Толстого написаны по-русски.

*** Слово юности написано по-русски.

**** Слово товарищу написано по-русски.

Льву Николаевичу правилось, что Репин не поддавался влиянию власти, хотя и управлял Академией художеств, был ее директором³³, и рад подшутил* по этому поводу с Репиным, говоря: «Я все жду, когда вы перейдете в стадию эрузионньюс**», когда вы будете декорирован»***.

У Ярошенка мы были с ним уж как-то вечером на его скромной петербургской квартире. Ярошенко болел туберкулезом, а это в ****

ПРИМЕЧАНИЯ *****

¹ Шкарван выехал в Россию из словацкого города Жилина 27/15 июля 1896 г. и 29/17 был проездом в Варшаве. В Тулу и затем в Дёминки к Черткову он приехал, вероятно, 19 или 20 июля ст. ст., а на утро следующего дня, 20 или 21 июля, вместе с Чертковым отправился в Ясную Поляну и встретился впервые с Толстым.

После полуторамесячного пребывания в Дёминках и Ясной Поляне Шкарван уезжает в Нижний-Новгород, Богородск и Москву. Затем возвращается обратно в Ясную Поляну и живет у Толстого около трех недель (сентябрь—октябрь). Из Ясной Поляны он направляется в Ржев, а оттуда в Москву, где проводит декабрь 1896 г. и большую часть января 1897 г. В Москве он поселяется у Черткова, а после отъезда Черткова в Петербург живет у Толстого в Хамовниках. Около 20 января Шкарван едет в Петербург и там снова встречается с приехавшим туда Толстым. (С. К.)

² О первой встрече с Толстым Шкарван рассказал подробно в своей автобиографии (Albert Š k a r v a n. *Vlastný životopis*. — «Průdu», 7. IX 1926, str. 411—425).

³ Ст. Козловка-Засека (ныне ст. Ясная Поляна).

⁴ Мария Львовна Толстая-Оболенская умерла 27 ноября 1906 г. О дочерях Л. Толстого Шкарван писал: «Татьяна Львовна умна и интеллигентна, но человек себе на уме. Известно, что ближе всего ему (Толстому) была Мария. Врожденное благородство характера, доброе сердце, богатая душа. Она следовала за ним и подражала ему в своей жизни. Поэтому была у матери на плохом счету. Память о ней сохранится». Подлинник на русском, словацком и немецком языках. (*Синяя тетрадь*, стр. 42—43).

В другом месте Шкарван говорит: «...Мария Львовна была симпатичная, искренняя и благородная. Толстой называл ее „золотой“» (*Vlastný životopis*, str. 423).

О Марии Львовне см.: И. Е. Репин и Л. Н. Толстой, II. Материалы. М.—Л., 1949, стр. 47 и П. П. Перцов. Литературные воспоминания 1890—1902 гг. М.—Л., 1933, стр. 145.

⁵ Написано, очевидно, под впечатлением от драмы Толстого «И свет во тьме светит» (т. 31, стр. 133, 217, 242). Над этим произведением, оставшимся незаконченным и впервые напечатанным лишь в 1911 г., Толстой работал осенью 1896 г. Он познакомил, вероятно, Шкарвана с первыми редакциями драмы, для одного из героев которой Шкарван послужил прототипом (см. вступительную статью).

⁶ Михаил Осипович Меньшиков (1859—1919) — реакционный публицист. В 1880—1890-е годы заявлял о своем сочувствии взглядам Толстого; позднее перешел в крайний правый лагерь.

⁷ Иван Михайлович Трегубов (1858—1931) — сотрудник издательства «Посредник» в 1893—1897 гг. В 1897 г. вместе с В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым подписал заявление о помощи духоворам, за что был выслан в Курляндскую губернию.

⁸ См. Г. В. Кирьяков. Мопассан в оценке Л. Н. Толстого. — «Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та». Сб. трудов кафедр литературы и педагогики, вып. V. Кемерово, 1962, стр. 89—103.

⁹ В пересказе рассказа Мопассана «M-lle Perle» встречаются неточности. В оригинале буржуа вытирает лицо не руками, а полотенцем, испачканным мелом; м-ль Перль не была бедной. Возможно, что эти неточности допустил не Толстой, а Шкарван.

¹⁰ Елизавета Ивановна Черткова, рожд. Чернышева-Кругликова (1832—1922), последовательница евангелического (пашковского) сектантского учения. Толстой виделся с ней в Петербурге в феврале 1897 г., когда приезжал проститься с выславшимися за границу Чертковым и Бирюковым (Н. Г.).

* рад подшутил — любил подшутить — словакизм.

** Смысл этих последних слов неясен.

*** От французского *décové* — награждены орденом.

**** На этом последний дневник Шкарвана обрывается. В конце дневника рукой жены Шкарвана написано по-словацки:

«Толстой возгласил правду жизни!

(Многokrаtно повторял эти свои последние слова уже почти в агонии мой милый муж.)»

Шкарван умер 30 марта 1926 г.

***** Некоторые примечания принадлежат Н. Н. Гусеву и С. Колафе. Они отмечены инициалами: Н. Г. и С. К.

¹¹ Неточная цитата из «Послания апостола Павла к римлянам», гл. 14, ст. 4: «Перед своим господом стоит он, или падает...»

¹² Толстой произносил обычно не «патос», как пишет Шкарван, а «пафос» (Н. Г.).

¹³ За два месяца до смерти Шкарван рассказал Ф. Белявину об этой беседе с Толстым с некоторыми дополнениями и изменениями. Приводим этот рассказ в переводе со словацкого:

«Раз Толстой спросил меня, когда я начал чувствовать его влияние. На это я ему ответил, что после прочтения „Войны и мира“, хотя до этого я не читал его философских сочинений. Ведь это произведение является как бы введением к его философским сочинениям. „Ваша дальнейшая перемена меня совсем не удивила, — продолжал я, — это было совершенно естественное и неизбежное продолжение того, что я уже почувствовал в ваших романах“. При этом я заметил, что книга „Война и мир“ привела меня к правильному восприятию внешнего мира. На это Лев Николаевич кивнул головой и сказал: „Ах, вы это тонко понимаете. Удивительно, что некоторые люди, например моя семья, не понимают этого, другие, как вы, это хорошо понимают“» (*Vlastný životopis*, str. 423).

¹⁴ Об этом же более подробно Шкарван пишет в автобиографии: «Лев Николаевич умел очень интересно рассказывать. Помню, как он нам рассказывал о своих приключениях на Кавказе и признался, что Жилин в его рассказе „Жилин и Костылин“ — это он сам. Рассказ этот мы все слушали с затаенным дыханием. Но больше всего он понравился мальчикам» (*Vlastný životopis*, str. 424—425).

Речь идет о рассказе Толстого «Кавказский пленник». Как известно, в основу первой части рассказа лег эпизод из жизни Толстого (см. т. 21, стр. 668). О признании Толстого, что Жилин — это он сам, впервые сообщает Шкарван.

¹⁵ «Сокол» — чешская гимнастическая организация, основанная в 1861 г. д-ром Тиршем.

¹⁶ Цезаре Ломброзо (1856—1911) — итальянский психиатр и криминалист.

В автобиографии Шкарван дополняет публикуемый фрагмент: «Утром с Чертковым и Львом Николаевичем мы ходили купаться. Толстой прекрасно плавал и очень хорошо нырял. Ведь он знал и любил все виды спорта, особенно езду верхом. Гимнастикой и теннисом он занимался ежедневно. Помню, что раз мы купались в пруду. Толстой явно презрительно рассказывал, что недавно его посетил „сумасшедший старик Ч. Ломброзо, совершенно неинтересный человек“» (*Vlastný životopis*, str. 422). Возможно, что Толстой вспоминал эпизод, о котором говорит и сам Ломброзо, описывая посещение Ясной Поляны. «... Более всего и с полным правом гордился он <Толстой> своей физической силой и выносливостью, которые он, кажется, не без удовольствия показывал мне. В самый день моего приезда он в продолжение двух часов играл с своей дочерью в лаун-теннис, после чего, сев на им же самим взнузданную и оседланную лошадь, пригласил меня ехать вместе с ним купаться. Ему доставило особенное удовольствие видеть, что я через четверть часа не мог уже плыть за ним, и, когда я выразил удивление его силе и выносливости, жалуясь на свою немощность, он протянул руку и приподнял меня довольно высоко от земли, легко, как маленькую собачку» (C. L o m b r o z o. Chez Tolstoï. Цезарь Ломброзо. Мое посещение Толстого. Carouge—Genève, 1902, стр. 6).

¹⁷ Толстой считал ложной созданную Ломброзо теорию «преступного типа», как особой разновидности человека. В разговоре с Ломброзо Толстой сказал о ней, что это бред (Н. Г.).

¹⁸ Эти лампы можно видеть и теперь в Хамовническом доме (Н. Г.).

¹⁹ О Евгении Ивановиче Попове Шкарван писал: «Начали мы (молодые толстовцы, живущие в Австро-Венгрии — в Праге, Инсбруке и др.) переписываться с толстовцем Поповым, который посылал нам из России книги. Попов был владельцем рудников в Сибири, имел семью, но под влиянием Толстого все оставил: богатство, жену и стал аскетом, пустышником византийского стиля» (*Vlastný životopis*, str. 417).

Шкарван вспоминает, что по приезде в Россию, на станции в Туле видел мрачного толстовца Попова, «высокого и черного, как византийская икона, который когда-то посылал мне из России книги. По правде, я испугался, увидев эту первобытную фигуру, и боялся с ним заговорить» (*Vlastný životopis*, str. 421).

²⁰ Александр Петрович Иванов (1836—1912) — переписчик Толстого, бывший офицер, ставший босяком, обитатель Ржанова дома (см. т. 31, стр. 315). Интересные воспоминания об А. П. Иванове см.: А. С е р г е е н к о. Встречи с Толстым. — «Новый мир», 1960, № 9, стр. 230—233.

²¹ Очевидная описка Шкарвана. Речь идет о Дёменке — деревне в четырех километрах от Ясной Поляны, где летом 1896 г. Чертковы жили на даче.

²² Гурбан (Светозар) Ваянский (1847—1916) — известный словацкий писатель, литературный критик и публицист, сторонник национальной независимости Словакии. Ваянский высоко ценил русскую литературу: Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого. Последнему он посвятил много статей. Толстого как художника Ваянский восхвалял, считал его «королем королей» литературы и называл русским Шекспиром, русским Гёте, русским Гомером. Но, возлагая надежды на

царскую Россию как будущую освободительницу славянства, Ваянский был связан с русскими реакционными кругами и враждебно относился к выступлениям Толстого против самодержавия. (См. Andrej Mráz z. *Zo slovenskej literárnej minulosti. Vajanského rusofilstvo*. Bratislava, 1953, str. 288—304; Dionýz Ďurišín. *K náhl'adom S. H. Vajanského na dielo a činnosť L. N. Tolstého na Slovensku*. Bratislava, 1960, str. 83—116).

В 1892 г. Ваянский напечатал по-русски в журнале «Славянское обозрение» (кн. 2 и 4) статью «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец». Он просил Д. П. Маковицкого ознакомить Толстого с этой работой, что Маковицкий и выполнил, послав Толстому оттиск статьи.

Толстой в письме к Маковицкому от 10 февраля 1895 г. неодобрительно отозвался о статье Г. Ваянского: «Брошюра обо мне не хороша. Автор приписывает ложное значение художеству, ставит его выше всего и потому совершенно не понимает того, в чем состоит религия вообще и христианство в частности» (т. 68, стр. 29).

Но если в названной статье Ваянский выступал против Толстого с большим тактом, отдавая должное уважение великому русскому писателю, то два года спустя в газете «*Národné Noviny*» (1894, № 84) он поместил оскорбительную и грубую статью «*Lev Tolstoj čo bludár*». Cp. Dionýz Ďurišín. *K náhl'adom S. H. Vajanského...*

²³ Петр Хельчицкий (1390—1460) — чешский мыслитель, один из идеологов Общины чешских братьев, последним епископом которой был известный писатель и педагог Ян Амос Коменский. Хельчицкий выступал против католического духовенства и монахов, против светской власти, которую считал языческой, против государства, против войны и вообще против пролития крови. На Хельчицкого оказали влияние Виклиф, Ян Гус и другие религиозные мыслители. Критически воспринимая учение своих учителей, Хельчицкий во многом с ними не соглашался и выступал против отдельных их положений. Самое знаменитое из сочинений Хельчицкого — «Сеть веры» (1440—1443).

Интерес к Хельчицкому Толстой начал проявлять в 1880-х годах. Он неоднократно отзывался о нем восторженно. В недельных чтениях «Круга чтения» в статье «Петр Хельчицкий» Толстой разбирает содержание «Сети веры» и заключает свою статью несколькими выдержками из этого сочинения (П. Б.).

Статья «Петр Хельчицкий» представляет собою переработанную Толстым биографию Хельчицкого, написанную чешским толстовцем Ярославом Яначеком специально для «Круга чтения» и переведенную на русский язык Д. П. Маковицким. История возникновения этой статьи такова: осенью 1904 г., будучи в Ясной Поляне, Маковицкий предложил Толстому, работавшему над «Кругом чтения», включить в этот труд некоторые материалы из чешской и словацкой истории. Толстой согласился, и тогда Маковицкий обратился с просьбой к Яначеку написать биографию Хельчицкого, что Яначек и выполнил (С. К.).

Об интересе Толстого к Хельчицкому и его учению см.: T. N. Archangel'skaja. — *Ceská a slovenská literatúra v osobnej knižnici L. N. Tolstého. Z ohlasov L. N. Tolstého na Slovensku*. — *Slovanské štúdie*. IV. 1960, str. 305.

²⁴ Мария Александровна Шмидт (1843—1914) — друг Толстого.

²⁵ Юлия Пастрана — мексиканка с длинной бородой и с усами. В качестве «чуда природы» Пастрану демонстрировали в различных странах мира, в том числе и в России.

²⁶ В словацком издании «Записок военного врача» Шкарван рассказывает, когда и при каких обстоятельствах он просил у Толстого для себя денег. Описывая свое душевное состояние после ареста, которому он подвергся за отказ от военной службы, он говорит: «Мучили меня еще и мои студенческие долги; Толстой в письме <к Д. П. Маковицкому>, которое я только что прочитал, между прочим, писал: „Скажите Шкарвану, что если я чем-нибудь могу ему служить, с радостью это сделаю“. Мне для себя ничего не было нужно. Я сам ни в чем не нуждался. Но, подумал я, если он хочет для меня сделать что-нибудь доброе, пусть освободит меня от этого бремени и тем успокоит мою совесть. Я поручил моему другу <Маковицкому>, чтобы он от моего имени попросил Л. Н. об этом. Я осмелился просить его об этом, так как он сам мне предложил свою помощь» (A. Škárva. *Zápisky vojenského lekára*. Praha, 1920, str. 44. — Отметим, что в русском издании «Записок военного врача» Шкарван об этом не упоминает).

Толстой, действительно, неоднократно выражал готовность помочь Шкарвану (см., например, его письма к Маковицкому от 10 февраля и 11 сентября 1895 г., т. 68, стр. 29, 178). Однако на просьбу Маковицкого оказать Шкарвану денежную помощь, когда он выйдет из тюрьмы, Толстой ответил уклончиво: «Радуюсь очень тому душевному состоянию, в кот<ором> находится Шкарван, и той надежде, кот<орую> вы даете, что его скоро освободят, — писал он 29 сентября 1895 г. — Деньгами я не могу располагать. Собрать эти деньги я могу, но думаю, что лучше бы было не быть вынужденным просить о них» (т. 68, стр. 189).

Во второй раз Шкарван просил деньги не для внучки Толстого, как он пишет, а по-видимому для племянницы С. А. Толстой Веры Александровны Кузминской, жившей в Швейцарии.

²⁷ Шкарван в дневнике 1921 г., как и сам Толстой в первых редакциях, называл драму «И свет во тьме светит» — «Свет и во тьме светит» (т. 31, стр. 304—306).

²⁸ Александр Никифорович *Дунаев* (1850—1920) — друг семьи Толстых. Был одним из директоров московского торгового банка.

²⁹ Аркадий Васильевич *Алехин* (1854—1919) и его брат Алексей Васильевич (1859—1932). Сообщаемые Шкарваном сведения о том, что один из Алехиных открыл спиртной завод, а другой постригся в монахи — неверны. Аркадий Алехин был основателем толстовской земледельческой общины Шевелевой в Дорогобужском уезде Смоленской губ. Впоследствии отошел от толстовства, стал православным и был городским головою в Курске. Алексей *Алехин* вернулся к своей специальности — химии и с 1899 г. состоял преподавателем Киевского политехнического института (Н. Г.).

³⁰ Разговор Толстого с Алехиным о Софье Андреевне иначе передан у П. П. Перцова в его «Литературных воспоминаниях», стр. 150. Впрочем, возможно, что у Перцова описан другой разговор Толстого с Алехиным о Софье Андреевне (Н. Г.).

³¹ О том, что Толстой предпочитал сидеть на верху конки, ср. в воспоминаниях И. Е. Репина: «Значительно запоздав к обеду, мы возвращались уже на конках. Непременно наверху, на империале, — так он (Толстой) любил» (И. Е. Репин. Из моих общений с Л. Н. Толстым. — «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой», II. Материалы. М.—Л., 1949, стр. 7).

³² Шкарван ошибается: Толстой остановился не у своего друга Адама Васильевича Олсуфьева, а у старого знакомого — графа Александра Васильевича *Олсуфьева* (1843—1907), генерал-адъютанта, помощника начальника Императорской главной квартиры (Н. Г.).

³³ В 1894—1907 гг. Репин был профессором Академии художеств, должности же директора Академии никогда не занимал.